

Гиа Нодиа

КОНФЛИКТ В АБХАЗИИ:
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

К такому конфликту, как абхазский, можно подойти — и попытаться его объяснить — по-разному. Одни корень проблемы видят в издавна дремлющей этнической вражде, которую удавалось держать под контролем, пока не грянула демократизация; другие находят суть конфликта в реакции меньшинства на притеснение со стороны большинства; инструменталисты, которые предпочитают искать групповой интерес определенных элит, спекулирующих на этнических чувствах масс, полагают, что, выявив эти интересы, можно тем самым ухватить и самую суть конфликта; иногда конфликт стараются привязать к козням внешней имперской силы, еще раз решившей разыграть испытанную карту «разделяй и властвуй». По моему мнению, все вышеперечисленные факторы несомненно имели (в различной степени, конечно) значение, но они могли лишь усугубить конфликт, корни которого в другом.

Я рассматриваю происшедшее в последние годы в Абхазии как еще один конфликт, сопутствующий в политической модернизации общества. В новую и новейшую эпоху этнические группы оказываются в ситуации, когда политическая карта мира все в большей степени состоит из национальных государств, а не многонациональных империй, и основу легитимности политической власти составляет воля народа/нации, а не божественное право трона. Этнические группы как бы оказываются перед необходимостью определить и свой политический статус в этом новом мире. Империи могут обратиться к политике «официального национализма», т. е. попытаться ассимилировать меньшинства в доминирующие язык и культуру (политика русификации в конце XX в. — классическое выражение этой тенденции.)¹. Народы поменьше, да еще не имеющие собственной политической идентичности к тому моменту, когда их застигает волна политической модернизации, оказываются в положении, которое некоторые авторы определяют как «дилемма ассимиляции»²: либо они отождествляют себя с политически доминирующей и обычно более «передовой», т. е. модернизированной, нацией,

¹ Seton-Watson Hugh. Nationalism and Communism. London: Methuen, 1964. P. 19-24.

² Hroch Miroslav. Social Preconditions of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 12; Deutsch Karl W. Problems of Nation-Building and National Development, in: Deutsch Karl W., Foltz William J., eds. Nation-Building. New York: Atherton Press, 1963..P. 140.

которая уже обладает определенной формой государственности, согласившись сохранить за родным наречием не более как статус «кухонного языка» и признав преимущество образа жизни более развитой и могущественной нации по сравнению с собственными обычаями; либо она должна оформиться в отдельную культурно-политическую единицу и создать («изобрести», «вообразить», как любят говорить современные исследователи национализма) свой собственный проект надлежащего политического статуса, создающего условия для представления и сохранения этой самобытности.

Практическая проблема здесь состоит в том, что история не производит готового материала для становящихся наций: многообразие этнических групп составляет пестрое одеяло языков, культур и политических традиций, которое приходится перекраивать согласно четко определенным границам, разделяющим национальные государства. Эту работу подгонки наличного этнического материала берут на себя формирующиеся национальные (националистические) элиты. Основную канву, «выкройку», на которой основывается эта работа, я буду называть национальным проектом. Национальный проект — это идеальная конструкция, которая обычно включает в себя ответ по крайней мере на несколько следующих вопросов: 1) «кто мы», т. е. каким образом мы определяем наше национальное «мы»; 2) что есть «наша земля», т. е. как мы ограничиваем территорию нашего национального дома; 3) какой политический статус нам «полагается» (приемлема лишь полная независимость или можно ограничиться и более «скромным» вариантом); 4) кто мы не есть, т. е. в контрасте к кому определяем мы свою идентичность (памятуя «дилемму ассимиляции», этот вопрос может быть переформулирован следующим образом: «кем мы бы стали, если бы мы решили ассимилироваться»); 5) кто наш главный враг (он может совпадать или не совпадать с группой, от которой исходит опасность ассимиляции) и кто наши остальные враги (обычно — скрытые/явные союзники или марионетки главного врага); 6) кто наши друзья и родственники — наши естественные либо ситуационные союзники; 7) какова наша цивилизационная ориентация — к какой цивилизации мы принадлежим (как то: «западная», «средневосточная», «латинская» и т. д.); 8) какого рода политический и экономический строй мы хотим иметь (в конце XX века выбор, как кажется, ограничен «рыночной демократией», но на самом деле выбор есть, и он может быть связан с ответом на предыдущий вопрос: например, ориентация на Запад сильнее толкает в направлении демократического выбора, чем другие культурные аффилиации).

В идеальном мире утопического национализма каждая нация осуществляет

свой национальный проект в своем национальном государстве в соответствии с некой идеей исторической справедливости; вместе они образуют гармоничный оркестр, именуемый «человечеством». В реальной жизни, однако, национальные проекты часто осуществляются за счет соседей: население смешано, историческое прошлое не оставляет однозначно составленных завещаний, и нет четких критериев того, кому что «полагается». Поэтому на основе противоречий между национальными проектами случаются конфликты.

Конфликт в Абхазии — или, правильнее сказать, конфликт об Абхазии — принадлежит к этому общему типу. По моему убеждению, либерализация, а затем и демократизация Советского Союза не могла к нему не привести. При этом, однако, я не имею в виду, что неминуема была и *война* в Абхазии. Для понимания корней конфликта необходимо описать и осмыслить национальные проекты, вокруг которых произошло формирование (или конструирование, если использовать более модный термин) соответственно грузинской и абхазской наций; но почему конфликт *развернулся* именно таким образом, как это произошло, можно понять лишь из определенных политических *обстоятельств*.

Формирование грузинского и абхазского национальных проектов

При попытке описания национальных — грузинского и абхазского — проектов мне придется обратиться к некоторым историческим обстоятельствам. Так как обе стороны часто используют историю для оправдания или опровержения определенных политических требований, я хочу здесь же оговориться, что я предпринимаю эти исторические экскурсы лишь в целях *понимания* того, почему грузины и абхазы пришли именно к такого рода национальным проектам и почему они привели их к конфликту. Таким образом я никак не ставлю под сомнение *легитимность* тех или иных политических программ.

Современный грузинский национализм берет начало в середине XIX в¹. Его отцом-основателем можно считать Илью Чавчавадзе, который попытался создать новое видение Грузии на основе европейской модели либерального национализма. Он сформулировал свой принцип как *Эна, Мамули, Сарцмунеоба* — «Отечество, Язык, Вера». Здесь заключены как разрыв, так и непрерывность по отношению к средневековой грузинской традиции. В средние века «грузинскость»

¹ Имевший место заговор 1832 г., представлявший собой эпизод аристократического национализма, не получил дальнейшего развития. В 60-е годы XIX в. Илье Чавчавадзе пришлось создавать грузинский национализм на новой основе, хотя он отдавал должное и заговорщикам предыдущего поколения.

отождествлялась с православием. Восточногрузинское царство Картли приняло христианство в IV в., и после схизмы VII столетия, когда Грузинская православная церковь выбрала диафизитство (в отличие от монофизитства Армянской грегорианской церкви¹), вплоть до конца XVIII в., когда на кавказской арене появилась Россия, грузины были единственными православными в преимущественно мусульманском регионе. Этнические грузины, принявшие другую веру — даже если они продолжали говорить на грузинском языке, — больше не воспринимались как грузины: их называли татарами (если они омусульманивались), армянами (если они крестились в армянской церкви) или даже пранги, французами, если они принимали католичество. Церковная служба велась на грузинском, что делало язык важным отличительным признаком, хотя и в сочетании с религией. В середине X в. грузинский агиограф Георгий Мерчуле сформулировал то, что стало средневековой парадигмой смысла термина «Грузия»: «Грузия состоит из тех просторных земель, где церковная служба ведется и все молитвы произносятся на грузинском»². Поставив «язык» впереди «веры», Илья Чавчавадзе секуляризировал грузинский национализм, уподобив его лингвистическим национализмам XIX в. и открыв его грузинским мусульманам и представителям других конфессий; но при этом он оставлял за собой возможность апеллировать и к средневековой традиции.

То, каким образом происходила реконструкция средневекового прошлого на основе грузинского национального проекта нового времени, поможет нам понять важные аспекты грузино-абхазского конфликта. В терминах Эрнеста Геллнера, грузины определили свою страну как ареал грузинской «высокой культуры»¹, т. е. территорию, на которой грузинский язык был языком письменности и элитарной культуры. Таким образом, корень современного конфликта состоит в разделении между «высокой культурой» на территории Абхазии и народной этнически-абхазской культурой (здесь стоит напомнить предостережение Геллнера против интерпретации слова «высокий» в ценностном смысле: он подразумевает лишь атрибуцию к «высшим» классам общества). Абхазы этнически не родственны грузинам, лингвистически они близки северокавказским народам (кабардинцам, адыгам и т. д.). Но средневековое абхазское царство было частью грузинского культурно-политического пространства. В отличие от грузин у абхазов не было своего алфавита, и грузинский язык был языком абхазской аристократии. Когда

¹ Догматическое различие заключается в интерпретации природы Христа: диафизиты (напр., католики, православные) признают Его двойную (божественную и человеческую) природу, тогда как монофизиты (напр., грегорианцы) Его человеческую природу отрицают.

² Gachechiladze Revaz. *The New Georgia: Space, Society, Politics*. College Station: Texas A & M University Press, 1995. P. 19-20.

Грузия, или Западная Грузия, была политически объединена, в это объединение входила и Абхазия. В определенные периоды вся Западная Грузия была объединена под названием Абхазети (Абхазия), в другое время она именовалась Эгриси (что означает землю мегрелов — одной из грузинских субэтнических групп). Когда Грузия разделялась на княжества поменьше, культурные связи между элитами сохранялись. Это историческое прошлое сформировало у грузин достаточно стойкое представление, что Абхазия является законной частью Грузии, несмотря на то что абхазы этнически не родственны грузинам.

Однако все это приобрело актуальность лишь позднее, когда грузинский национализм в своем развитии достиг политической фазы. В начальной стадии, т. е. до начала XX в. (которую по классификации Мирослава Хроха можно определить как «Стадию А»)², грузины были достаточно робки в своих национальных амбициях: они еще ограничивались заботой о национальной культуре, сохранении родного языка и т. д., так что до революции 1905 г. даже идея национальной автономии в рамках Российской империи всерьез не обсуждалась. Полной политизации грузинского национализма не произошло до того момента, когда исторические обстоятельства — сначала распад Российской империи в результате большевистского переворота 1917 г., а затем провал идеи Закавказской федерации в 1918 г. — не подтолкнули страну к провозглашению полной независимости. Парадигма грузинского политического национализма сформировалась именно в это время. Национально-освободительное движение периода «перестройки» восстановило эту парадигму почти без изменений. Пройдя через период полной независимости в 1918—1921 гг. (прерванный вооруженным вторжением уже коммунистической России), политические амбиции грузин уже не могли удовлетвориться чем-либо меньшим. В собственно Грузии³ 1989—1990 гг. не было ни одной политической партии, которая не включала бы в свою программу требования политической независимости. Это означало, что Россия автоматически заполнила нишу «главного врага»: независимость означала независимость от России, последняя же воплощала в себе опасность ассимиляции. Следует, однако, отметить, что это еще не подразумевало существования высокого уровня эмоциональной враждебности к России, тем более к русским как этнической группе, но тут речь идет о другом: насколько дело касалось независимости, настолько же основные препятствия предвиделись с Севера. Турция представляла собой угрозу в 1918—

¹ См.: Gellner Ernest. *Nation and Nationalism*. Oxford: Basil Blackwell, 1983. P. 50-52.

² Hroch. *Social Preconditions of National Revival in Europe...* P. 23-24.

³ Выражение «собственно Грузия» не включает в дальнейшем отколовшиеся Абхазию и Южную Осетию.

1921 г., и воспоминания о средневековой мусульманской экспансии создавали почву для недоверия, но поскольку Турция рассматривалась как соперница России, это делало ее союзницей Грузии.

Тем не менее ни Турция, ни какая-либо другая региональная держава не стала основным союзником: позиция главного покровителя была отдана Западу (другое дело, насколько это было реалистично). Таким образом произошла экстраполяция средневековой парадигмы, когда христианская Грузия, чувствуя себя в мусульманской осаде, искала помощи «большого» христианского мира. В культурном смысле грузины затрудняются с уверенностью сказать, что «мы — западная нация», хотя многие считают, что типологически, по сути, грузины — это «западный» народ, который несколько сбился с пути под дурным влиянием незападных соседей. Так или иначе, факт состоит в том, что начиная с XIX в., грузинская элита достаточно однозначно ориентирована на западные модели развития. В частности, демократия рассматривается в качестве модели политического порядка не потому, что грузины прирожденные демократы, но потому, что сегодня любой другой путь «незападен». Многие сподвижники Звиада Гамсахурдиа, первого грузинского президента националистической ориентации, говорили, что в случае противоречия между интересами независимости и демократии, преимущество следует отдать первой, но можно поспорить, что и этот подход не противоречит принципу «западности», ведь национальное государство — идея западная, и западные национальные государства далеко не всегда начинали с демократии.

Поскольку независимость от России является первейшей задачей грузинского национализма (а принимая во внимание российское военное присутствие и другие рычаги российского давления на Грузию, далеко не все считают эту задачу выполненной), все другие противники видятся лишь через призму этого основного противостояния. Таким образом, меньшинства, нелояльные Грузии, рассматриваются как пособники России. Говоря это, я не стараюсь ни подтвердить, ни опровергнуть версию о российской поддержке абхазского либо осетинского сепаратизма; я лишь пытаюсь объяснить, почему с грузинской точки зрения конфликты с меньшинствами осмыслились в контексте борьбы за независимость от России. Это серьезно уменьшало способность грузинских элит правильно оценивать ситуацию, ибо, хотя у Москвы были вполне веские основания поддерживать сепаратистские движения в союзных республиках, им следовало рассматривать и учитывать также интересы и абхазцев, и осетин как таковых.

Две другие особенности грузинского национализма, относящиеся к этому

контексту, состоят в том, что для него не характерны ассимиляционизм и империализм. В этой связи я сделаю сравнение с часто проводимым различием между французским и немецким национализмами. В терминах Роджера Брубейкера¹, для первого характерен ассимиляционизм (и в конечном счете — универсализм), идея второго — дифференциализм. Французы придерживаются проекта ассимиляции своих меньшинств, т. е. они готовы признать их в качестве «французов», если они примут французскую культуру и постараются забыть (или, по крайней мере, поставить на второе место) свое особое происхождение. Турецкий светский национализм ататюркской модели тоже следует этому принципу. Концепция российского/русского национализма никогда не была столь четко сформулирована, но его основные направления были в том же русле. В этих случаях культуре и языку дается преимущество перед «кровью», т. е. общим происхождением. Для немецкого же национализма определяющим принципом является *jus sanguinis*, т. е. право крови. Даже в сегодняшней демократической Германии этот принцип остается важным для определения гражданства, так что культурно германизированным потомкам турецких иммигрантов, видимо, труднее приобрести гражданство, чем этническим немцам из России и Казахстана, которые могут совсем не говорить по-немецки, но способны документально подтвердить происхождение от немецких предков. Согласно этой классификации, грузины, подобно большинству других кавказцев (за исключением азербайджанцев, которые легко ассимилируют других мусульман), отдают предпочтение дифференциалистской модели. Даже если некоторые представители меньшинств (в особенности армяне и осетины) достаточно охотно ассимилировались и переименовывали фамилии с тем, чтобы они звучали по-грузински, большинство грузин относились к этому отрицательно и с трудом воспринимали их как «по-настоящему» своих. После прихода к власти Эдуарда Шеварднадзе в 1992 г. некоторые неправительственные организации и партия, созданная вокруг Шеварднадзе (Союз граждан Грузии), предприняли намеренные попытки развить общегражданское сознание в отличие от этнического, но это не увенчалось успехом и уж точно не дошло до уровня ассимиляционизма: последнее отвергается как этнически грузинским, так и негрузинским населением.

В то же время для грузинского национализма нехарактерны имперско-экспансионистские амбиции. Однако с абхазской точки зрения это совсем не так: в глазах абхазов Грузия — это империя, стремящаяся завоевать «чужие страны»

¹ «Если французское понимание национализма было государственно-ориентированным и ассимиляционистским, немецкое понимание было ориентированным на Volk (народ) и дифференциалистским». Brubaker R. *Citizenship and Nationhood*. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1990. P. 184.

(например, Абхазию). В одном из своих интервью выдающийся русский демократ Андрей Сахаров назвал Грузию «малой империей» — эта строчка неизменно цитируется в большинстве абхазских и российских отчетов о конфликте. Разумеется, если каждое государство с мультиэтническим населением называть «империей», это определение будет применимо и к Грузии (правда, тогда останется мало государств, которые империями не являются). Но если определить как империю государство, национальный проект которого основывается на идее завоевания и экспансии (что мне кажется более осмысленным и соответствующим традиционному пониманию этого слова), тогда Грузия вряд ли подпадет под эту категорию. В новое время грузинский национальный проект ориентирован на модель национального государства, которую можно выразить формулой: «мы ничего не хотим сверх того, что нам принадлежит по праву; но то, что наше, мы не отдадим». Абхазия — это Грузия, поскольку она всегда была частью Грузии, когда та была объединена. Грузины не рассматривают Абхазию как «чужую» землю, ими завоеванную, и чрезвычайно остро реагируют на обвинения в империализме. Идея «нашей земли» в грузинском сознании более или менее четко очерчена — хотя и границами советской Грузии (большинство при этом считает, что часть «исторически нашей» земли находится сейчас в Турции, а также в Азербайджане и Армении, но даже самые радикальные националисты понимают, что апелляция к прошлому практически неприемлема и лучше полагаться на советские карты).

Для любого серьезного исследователя национализма понятно, что определение «наша земля» зависит от политических обстоятельств, и универсально обязательных критериев здесь не бывает. Но дело не в этом: коль скоро «наша земля» определена, претензий на «чужую» территорию уже не будет. Грузины иногда претендуют на некую особую роль на Кавказе, и иберо-кавказская идея (основанная на гипотезе родства между грузинами и некоторыми северокавказскими народами, включая абхазов) была весьма популярна во времена Гамсахурдиа — это можно рассматривать как своеобразный протоимпериализм. Но трудно представить даже самого ретивого грузинского националиста, мечтающего аннексировать Чечню или Дагестан. В целом, поскольку национализм ориентирован на идею национального государства, его вряд ли можно примирить с идеей империи. Существуют и другие важные различия: националисты более склонны к эгоцентризму, тогда как для империалистов скорее характерен альтруизм, космополитизм и забота об улучшении мира (впрочем, они обычно не прочь навязать счастье и прогресс силой). Хорошо это или плохо, для грузин как нации последние качества менее характерны.

Что касается современного абхазского национального проекта, его конструирование начинается в конце ХК — начале ХХ в.¹ Но абхазская элита принялась за эту работу, имея иные исходные этно-исторические предпосылки. Хотя они могли апеллировать к определенной истории государственности, эта история не имела соответствующей «высокой культуры», т. е. абхазской письменной традиции. Второй особенностью абхазского национального проекта было то, что здесь центральное место занимала идея не независимости, а скорее выживания в качестве отдельной этнической группы. Это вытекало из конкретных исторических обстоятельств. Племена черкесского происхождения (включая абхазов) оказали стойкое сопротивление российскому владычеству, в результате чего последовали «адекватные» меры. В конце 70-х гг. ХК в. большинство этнически абхазского населения было вытеснено в Турцию (это явление известно как «махаджирство»). Но им все же повезло больше, чем шапсугам и убыхам, их северокавказским соседям, от которых их родная территория была полностью очищена (потомки тех, кому удалось спастись, тоже живут в Турции). Малочисленные в абсолютном измерении, не защищенные традициями письменной культуры и постепенно становящиеся меньшинством на собственной земле, абхазы стояли перед лицом непосредственной опасности полной ассимиляции. Можно сказать, что эмоциональной целью абхазского национального проекта было избежать судьбы шапсугов и убыхов.

Следуя вышеобозначенной дуальности культурно-политической традиции, абхазский национальный проект начал развиваться в двух версиях. С одной стороны, исходя из этнического родства с черкесскими племенами, логика этнолингвистического национализма естественно подталкивала абхазов к поиску идентичности в этом культурном ареале, т. е. в рамках формировавшегося на рубеже веков панчеркесского движения. После большевистской революции это движение привело к кратковременному существованию Республики горских народов Кавказа. После распада Советского Союза та же идея возродилась в форме политического движения — Конфедерации горских народов Кавказа (на определенном этапе слово «горских» было изъято).

С другой стороны, политическое и культурное родство абхазской государственности с Грузией (несмотря на поздние добавления турецкого и русского элементов) тоже имело значение. Абхазская аристократия была близка к грузинской,

¹ В этой части статьи я частично опираюсь на мои заметки, сделанные во время лекции Гии Анчабадзе, грузинского и абхазского историка, на конференции, организованной «Кавказским домом» и Фондом Генриха Бёлля в Тбилиси в сентябре 1992 г. Разумеется, г-н Анчабадзе не может нести ответственность за мою интерпретацию его положений. По понятным причинам, я чувствую меньше уверенности при характеристике абхазского национального проекта и готов принять

и культурные связи были достаточно сильными. В административном отношении Сухумский округ, т. е. Абхазия, входил в Кутаисскую губернию, т. е. сегодняшнюю Западную Грузию. На этом основывалась другая тенденция, которая искала определения абхазской идентичности в тесной близости с Грузией, но сохраняя особый статус Абхазии. Разумеется, речь еще не шла об определенном политическом статусе (как уже было отмечено, грузинский национализм тоже еще не был политизирован), но «особый статус внутри Грузии» можно рассматривать относительно адекватным переводом указанной культурной ориентации на политический язык. В обоих случаях, однако, речь шла не об автономии собственно абхазов в Российской империи в целом, а о поиске менее крупной культурной общности (черкесской, грузинской), внутри которой абхазы сохранили бы свою самобытность. Другими словами, абхазский национализм определял себя не на фоне России в целом, а искал свою особую нишу в западнокавказском регионе.

Эти тенденции соперничали друг с другом, хотя главенствовала первая. В период независимости Грузии в 1918—1921 гг., этническая абхазская элита была разделена, большинство противилось единству с Грузией, но грузинское правительство, комбинируя осуществление сотрудничества с прогрузинской частью абхазской элиты с оказанием военного давления, смогло сохранить провинцию в составе Грузии¹. По грузинской конституции 1921 г. Абхазия определялась как автономный край внутри Грузии (правда, конституцию приняли лишь за четыре дня до того, как независимая Грузия пала вследствие российского вторжения).

Отношение к советскому периоду в грузинском и абхазском мировосприятии кардинально отлично друг от друга. Для грузин независимость, потерянная в 1921 г., была исторически восстановлена после распада СССР. Это означает, что все происшедшее за годы советской власти, как навязанное иностранными оккупационными силами, было нелегитимным. Но то же самое нельзя сказать об абхазах. Поскольку упомянутое положение грузинской конституции не успело войти в силу, сейчас можно лишь фантазировать о том, какова была бы абхазская автономия в независимой Грузии. Реальность же заключается в том, что абхазская государственность современного типа (или, скорее, ее прообраз) впервые осуществилась в советское время. Вряд ли можно административную единицу в советской «матрешечной» системе назвать «национальным государством» в полном смысле этого слова, но тем не менее советские национально-территориальные единицы были носителями многих символически важных атрибутов, которые

критические замечания и советы.

¹ См., напр.: Станислав Лакоба. Абхазия после двух оккупации. Гагра, 1994.

помогли формированию национально-политического сознания: территория официально называлась «Абхазией», абхазский язык получил официальный статус, т. е. стал языком «высокой» культуры со всеми вытекающими отсюда последствиями — употреблением в сфере бюрократии, культуры, образования, в литературе и т. д. Поэтому в отличие от грузин, абхазы подкрепляют легитимность своих постсоветских претензий ссылками на советский период своей истории (хотя и не только на него).

Основное изменение, которое произошло в течение советской истории, заключалось в том, что Грузия и грузины уже в эксклюзивном порядке заполнили пространство «образа врага» в абхазском национальном проекте. В дополнение к этому Россия получила статус основного защитника в борьбе против «грузинского империализма». На это было несколько причин. Между 1921 и 1931 г. административный статус различных национальных территорий в Закавказье — в том числе и Абхазии — менялся несколько раз. Российские большевики поощряли выступления этнических меньшинств против центрального правительства Грузии с тем, чтобы облегчить завоевание последней, и поэтому они приветствовали провозглашение отдельной Абхазской Советской Социалистической Республики в марте 1921 г. (военная операция по захвату Грузии еще не была завершена). В дальнейшем Абхазию сделали сначала частью Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики, а в 1931 г. — автономной республикой в составе Грузии¹. Если за точку отсчета взять республику, провозглашенную в марте 1921 г., то превращение Абхазии в автономию внутри Грузии было, конечно, понижением ее статуса. Особенно важным обстоятельством здесь является то, что все это произошло в годы, когда Советским Союзом правил Иосиф Сталин, грузин по национальности, а затем к нему присоединился и его земляк — Лаврентий Берия. Это дает абхазам повод считать, что понижение статуса было проявлением грузинского империализма: Сталин подчинил Абхазию Грузии, потому что он был грузин. С грузинской точки зрения, однако, все выглядит совершенно иначе. Отношение грузин к Сталину достаточно противоречиво, но по крайней мере националистически настроенные грузины видят в Сталине российского империалиста, который в 1921 г. сыграл активную роль в завоевании

¹ Как подчеркивают грузинские авторы, Абхазия просуществовала как отдельная от Грузии единица лишь с марта по декабрь 1921 г., когда она была присоединена к Грузии в качестве «договорной республики», так что Советская конституция 1924 г. «фактически рассматривала ее как автономную республику в составе Грузии», а в 1931 г. этот статус лишь «стал официальным» (Gachechiladze R. *New Georgia...* P. 33). Впрочем, эти юридические детали мало значат сегодня на фоне твердого убеждения абхазского общества, что Сталин, как грузин, присоединил Абхазию к Грузии в 1931 г.

Грузии, и его дальнейшая деятельность тоже мотивировалась отнюдь не грузинским патриотизмом. Ни один народ, столь же количественно малый, как и абхазы, не получал в СССР статуса «полноценной» союзной республики. То, что Абхазия стала частью Грузии, вполне объясняется общей логикой классификационного деления советских национальностей, так зачем подчеркивать специфически грузинский фактор в этом отдельном случае? Грузины могут сказать и то, что Сталин в той же мере нес ответственность за присоединение Абхазии к Грузии в 1931 г., как и за ее отделение от Грузии в 1921 г. Но даже если усмотреть в действиях Сталина латентный грузинский империализм, грузины в целом не могут отвечать за советскую национальную политику, кто бы ни претворял ее в жизнь: они не выбирали этих лидеров, и их никто не спрашивал, какую политику проводить.

Кроме понижения в статусе Абхазии, в годы правления Сталина абхазы подверглись грузинской демографической экспансии, когда определенное количество грузин было организовано переселено в Абхазию, и «грузинизации» в течении целого периода конца 40-х — начала 50-х годов, когда грузинский язык навязывался абхазским школьникам и абхазов заставляли использовать алфавит, основанный на грузинском, вместо алфавита, основанного на кириллице. Эта политика разбудила в абхазах вышеупомянутый страх перед исчезновением в качестве этнической группы, на этот раз путем насильственной ассимиляции. Опять-таки эта политика вполне может быть объяснена как латентным национализмом Сталина или Берии, так и новым поворотом в советской национальной политике. Я лично верю, что Берия, в отличие от Сталина, в гораздо большей степени был скрытым грузинским националистом, и это могло оказать влияние на решения, касающиеся Абхазии, но в то же время такая политика отнюдь не является беспрецедентной в бывшем СССР. Так или иначе, а повороты в советской политике существенно повысили враждебность абхазов в отношении Грузии. Тот факт, что после смерти Сталина политика вновь изменилась — на этот раз в пользу абхазов — лишь укрепила их в убеждении, что в их злоключениях следует винить именно национальность Сталина и Берии.

Система советских этнических квот тоже не пошла на пользу грузино-абхазским отношениям. Определенные бюрократические посты могли занимать лишь этнические абхазы, а имея в виду тот факт, что они являлись меньшинством в Абхазии, это серьезно затрудняло карьерный рост живущих там грузин. Последние возмущались или записывались как этнические абхазы, что еще более усиливало возмущение остальных грузин. В свою очередь абхазы видели в этой системе, введенной и поддерживаемой Россией, защиту своих интересов против натиска

грузин.

Советский строй способствовал ухудшению абхазо-грузинских отношений еще в одном смысле. Как я уже отмечал, абхазская аристократия скорее, чем другие слои абхазского общества, склонялась к тому, чтобы видеть будущее своей страны в союзе с Грузией. Но от коммунистических репрессий именно эта группа понесла наибольший урон. Я не утверждаю, что это было сделано с умыслом разорвать грузино-абхазские связи, но объективный результат был именно таков.

Таким образом, к концу существования Советского Союза в национальном видении абхазов лишь один элемент был совершенно однозначен: грузины — враги. Позитивная же часть национального проекта — политический статус — была гораздо менее ясна. Мне представляются по крайней мере две причины этого. Во-первых, поскольку история абхазской государственности нового времени берет начало в истории Советского Союза, это естественным образом сужало горизонт видения абхазскими националистами до вариантов статуса внутри Российской империи/СССР. Во-вторых, начальная позиция у абхазов была намного слабее, чем у грузин: их было намного меньше в абсолютном исчислении, они были меньшинством в Абхазии, и их статус в СССР был ниже, чем у Грузии. Это означало, что в отличие от грузин, которые могли апеллировать к «международному праву» (пусть это было неправильно в практическом отношении), т. е. к своему праву восстановить полную независимость, потерянную в результате вторжения России, абхазы могли лишь апеллировать к своему статусу до 1931 г. Говоря это, я отнюдь не повторяю одностороннюю (и унижительную для абхазов) версию, защищаемую многими грузинскими обозревателями, согласно которой абхазские сепаратисты — это марионетки Кремля, и у них нет собственной независимой программы; но реальность такова, что, формулируя свои требования, абхазы прежде всего должны были просчитывать, в каком случае они могли иметь больше шансов на поддержку Москвы.

В результате позитивная часть различных абхазских проектов изменялась согласно изменяющимся обстоятельствам, при этом сохраняя две основные идеи: 1) сохранение гарантий безопасности для абхазов как этнической общности, т. е. предотвращение шапсугского/убыхского сценария; 2) достижение максимально возможной независимости от архиврага (Грузии). Различными путями достижения этой цели могли быть: 1) равный статус с Грузией в составе СССР — что, разумеется, означало отделение от Грузии; 2) вступление в Российскую Федерацию с тем же статусом, что Абхазия имела в Грузии; 3) полная независимость; 4) федеральные/конфедеральные отношения, основанные на равноправном договоре с

Грузией, что на деле было бы очень близко к независимости (наименее приемлемое решение). Первый вариант потерял реальное значение, тогда как остальные три все еще рассматриваются в Абхазии или на переговорах, которые ведет сухумское правительство.

Функция основного политического патрона/союзника логическим образом отдается России. Это — чисто прагматический союз, основанный на общих интересах: поскольку оба видят противника в сторонниках грузинской независимости, у них есть основания координировать свои действия. У России есть возможность использовать Абхазию против тбилисского правительства, тогда как у абхазов просто нет выбора сильных союзников — им не на кого положиться, кроме как на антигрузинские силы в Москве. Разумеется, это не сентиментальный союз, и вряд ли абхазы когда-нибудь забудут опыт махаджирства (вину за который невозможно возложить на грузин) или трагическую историю убыхов и шапсугов (недавний опыт чеченской войны также не слишком укрепил доверие к России). Для абхазов стало достаточно ясно, что Россия просто использует их, отнюдь не считая своим долгом реально заботиться об их безопасности. Сентиментальные союзники — это северокавказские братья по крови, этнолингвистически родственные народы, которые проявили свою солидарность, пролив кровь в войне 1992—1993 гг. Эти два союза, однако, противоречат друг другу и часто ставят абхазов в неудобное положение. Во время встреч под эгидой Конфедерации горских народов, когда все присутствовавшие интенсивно поливали грязью Россию, абхазским представителям приходилось говорить, что Россия не так плоха и иногда ведет себя «конструктивно». Сейчас, когда правительство Чеченской республики активно ищет сотрудничества с Грузией и чеченские официальные лица один за другим признают участие их сограждан в войне против Грузии «ошибкой», становится ясным, что прагматические соображения берут верх над сентиментальным видением панчеркесской или панкавказской солидарности. Это означает, что поскольку продолжается конфронтация с Грузией, абхазам все еще не на кого положиться, кроме как на Россию.

Соответственно, раздвоена и культурная ориентация абхазов. Осознание родства с черкесскими народами — естественная основа для того, чтобы бросить якорь культурной идентичности в кавказскую реальность. Однако, несмотря на определенную популярность понятий «общекавказская культура» и «Кавказский дом», никому еще до сих пор не удалось концептуализировать эту общность таким образом, чтобы она могла вписаться в мир современных политических отношений. «Кавказскость» интуитивно отождествляется с древними традициями

гостеприимства, высокоритуалистичным поведением, культом воинственной мужественности, — качествами, которые неминуемо подвергаются эрозии в процессе модернизации. Чеченцы все более апеллируют к исламу — чего не скажешь об абхазах: среди этнических абхазов есть христиане и мусульмане, но большинство вообще нерелигиозно. Недавно абхазская газета сообщала, что программа первой частной абхазской школы в столице Сухуми будет включать класс по христианской этике¹, что плохо совмещается с ориентацией на мусульманство. В советское время Абхазия была сильно русифицирована, русский был основным языком общения для ее полиэтнического населения, причем доминирование русского языка усиливалось благодаря тому, что республика была одним из наиболее популярных курортных регионов бывшего СССР. Абхазские элиты были сильно лингвистически русифицированы и, несмотря на события последних лет, в культурном отношении сохраняют сильную ориентацию на Россию (в отличие от чеченцев).

Ориентация на определенные политические модели и идеологии также зависит от политической ситуации. В последние годы существования Советского Союза абхазы оказались в одном лагере с антидемократическими силами, стоящими за сохранение единого государства. Когда в августе 1992 г. грузинские войска вступили в Абхазию, они уничтожили не только символы независимой абхазской государственности, но и статуи Ленина. И в дальнейшем абхазы скорее всего находят сторонников в среде российских некоммунистов и националистов. Это отнюдь не означает, что абхазы «по природе» менее склонны к демократии, чем грузины. Просто так случилось, что антидемократы в России более антигрузински (и соответственно проабхазски) настроены, чем демократы. Многие либерально ориентированные россияне тоже симпатизируют абхазской стороне в ее конфликте с Грузией, но в качестве политической силы российские демократы (или «так называемые демократы») все же более своих оппонентов склонны выражать уважение к независимости и территориальной целостности южного соседа.

Поскольку политические амбиции абхазских националистов несколько скромнее (я имею в виду, что абхазы не настаивают на полной независимости), они имеют преимущество в отношении устойчивости и интенсивности национальных чувств. Это скорее всего результат того, что абхазы стоят перед перспективой физического уничтожения — или именно так воспринимают свою ситуацию. И если грузины в недавнем прошлом воевали не только с абхазами и осетинами, но и друг с другом, абхазам до сих пор удавалось не выявлять (перед лицом «общего врага»)

¹ Республика Абхазия. 15—17 января 1997. С. 3.

свои политические противоречия. Если, например, грузины после проигрыша в войне 1993 г. были даже близки к тому, чтобы практически отказаться от независимости (в обмен на милости от России), абхазы до сих пор проявляют необычайную стойкость и последовательность в отстаивании своих позиций.

Воображаемые сценарии развития конфликта

Я потратил столь много места на описание видения обеими сторонами политического статуса Абхазии для обоснования следующих двух тезисов. С одной стороны, я хотел показать, почему, как только культурные и политические элиты обоих народов получили возможность выразить это свое видение (а это случилось примерно в 1988 г.), они сразу пришли в противоречие друг с другом, а поскольку умами владели политические идеи суверенитета, появились основания для серьезного конфликта. С другой стороны, однако, я не считаю, что этот конфликт был обречен на те кровавые последствия, к которым он привел.

Конфликт был неминуем, ибо стороны имели радикально отличные ответы на вопрос: «Что есть Абхазия?». Для грузин ответ был ясен: «Абхазия — это Грузия». Именно такие транспаранты несли демонстранты в марте—апреле 1989 г., когда впервые в период перестройки проблема Абхазии стала предметом массовой политики. Он означал: «Абхазия — такая же неотъемлемая часть Грузии, как любая другая ее историческая провинция: Кахетия, Имеретия, Мегрелия и т. д.» Для абхазской стороны ложность этого положения была не менее ясна. «Абхазия — это Абхазия», — именно так озаглавил Станислав Лакоба, тогда заместитель председателя Верховного Совета Абхазии (точнее ее сепаратистской фракции), одну из своих статей, опубликованных на Западе¹. Следует, впрочем, отметить, что во время войны это не было единственным абхазским ответом: другой влиятельный представитель абхазского национального движения Зураб Ачба опубликовал в российской прессе статью «Абхазия — это Россия». Это была явная попытка получить российскую поддержку, она могла и не соответствовать истинным чувствам абхазов, но все же важно, что видный абхазский деятель мог сказать такое в печати. В любом случае существовал общий знаменатель: «Абхазия — не Грузия». Это был фундаментальный конфликт, и хотя можно пофантазировать о том, как развивалась бы история Грузии или Кавказа без российского участия, в тот момент было неправильно списывать все на козни Кремля или даже на столкновение эгоистических интересов грузинской и абхазской «этнократий». Существовал конфликт между представлениями подавляющего большинства грузин и абхазов, и он касался вопроса, в котором очень трудно было достичь компромисса. Этого было

достаточно для радикалов по обеим противоположным сторонам для формулировки самоосуществляющегося прогноза о том, что проблема может быть решена только при помощи силы (грузинской, российской и т. д.), а не соглашения и компромисса.

Тем не менее я уверен, что, если мое описание грузинского и абхазского национальных проектов правильно, существовало и немалое пространство для компромисса. Да, для абхазов грузины были врагом номер один. Но при этом они не настаивали на полной независимости. Главной проблемой абхазов был страх перед исчезновением в качестве отдельной этнической общности («убыхским сценарием»). Грузины могли взять это в качестве исходной точки. Большинство грузинской политической элиты признает «автохтонный» статус абхазов на их территории (а это — мощная категория в кавказской политике, пусть извне она звучит недостаточно либерально или «неконструктивистски»): широко признается, что абхазы представляют собой единственную этническую группу на территории Грузии (кроме самих грузин), у которой нет другой родины, так что их претензия на особый территориально-политический статус, гарантирующий сохранение их самобытности, совершенно законен. Как я уже говорил, грузинская конституция 1921 г. тоже предусматривала такой статус. В разгар последней войны грузинский парламент принял закон, провозглашающий абхазский язык государственным (наряду с грузинским) на территории Абхазии, а будущим иммигрантам предоставляется выбор между изучением абхазского или грузинского, как условие получения грузинского гражданства.

Можно сказать, что все это противоречит идее «чистого» национального государства: если абхазы — отдельная нация, почему не предоставить им статус независимого национального государства? Если Абхазия — неотъемлемая часть Грузии, каким образом абхазы могут не быть грузинами? Грузины обычно апеллируют к вышеупомянутой вековой традиции политического и культурного единства и к тому факту, что этнические грузины, наряду с абхазами, всегда жили в Абхазии. Конечно, были и более радикальные антиабхазские выступления, включая призывы к отмене автономии Абхазии, но никогда, даже во время войны, они не становились официальной политикой². Однако для того, чтобы как-то справиться с

¹ Central Asian Survey. Vol. 14. No. 1. 1995. P. 97—105.

² «Грузинское правительство и общество никогда не ставили под сомнение статус Абхазии. Я объявляю всем, всему миру, абхазам: будет гарантирована широкая автономия, будут гарантированы права каждого абхаза». — Речь Эдуарда Шеварднадзе на совместном заседании Совета Оборона и Совета Министров Абхазии 6 июля 1993 г., «Сакартвелос Республика», 8 июля 1993 г. В противовес словам Шеварднадзе можно сказать, что часть грузинского общества ставило под сомнение автономию Абхазии, а некоторые представители правительства (такие, как министр обороны Китовани) говорили об отмене автономии в своих интервью, но в принципе утверждение Шеварднадзе (а таких цитат множество) справедливо.

этой непоследовательностью — и оправдать более радикальные требования, — была сконструирована и другая теория, основанная на трудах грузинского историка Павле Ингороква. Согласно этой теории, «настоящие», или исторические, абхазы представляли собой грузинское племя, но в XVII—XVIII вв. адыгские племена с самоназванием апсуаи переселились с северного Кавказа, ассимилировали «настоящих» абхазов и присвоили их этноним. Большинство грузинских историков никогда не разделяло эту теорию, но в период конфликта ее широко пропагандировали такие радикальные националисты, как Акакий Бакрадзе, Звиад Гамсахурдиа и др. Согласно этой теории, все было очень просто: абхазские претензии на самоопределение, как говорил Гамсахурдиа на митингах, оправданы, только территорию они выбрали не ту — пусть возвращаются на Северный Кавказ, а мы уже там будем поддерживать их борьбу (как затем Гамсахурдиа и на самом деле поддерживал чеченские претензии на самоопределение). Таким образом делегитимизировалась и идея абхазской автономии.

Радикальные лидеры широко апеллировали к этому подходу, и он часто представляется абхазскими элитами как единственная грузинская позиция. Тем не менее многие грузинские лидеры сами не слишком серьезно воспринимали эту теорию, но считали правильным использовать ее в ответ на высказывания абхазских радикалов. Сам Гамсахурдиа часто корректировал свою оценку абхазской истории в соответствии с меняющейся политической ситуацией.

Сильные антигрузинские настроения среди абхазов составляли, без сомнения очень серьезный фактор. Но поскольку они главным образом основывались на относительно недавних воспоминаниях из советского прошлого, всегда оставалась возможность убедить абхазов (как бы это ни было трудно), что политика Сталина и Берии ничего общего не имела с настроениями грузинского народа. У грузин не было антиабхазских настроений, пропорциональных по силе антигрузинским настроениям абхазов, поскольку ниша врага была уже занята Россией, и грузины видели угрозу не в абхазах как таковых, а в возможности использования абхазской проблемы Россией против Грузии. Этнические абхазы, чья численность не достигала даже ста тысяч человек, не могли сами по себе представлять угрозу безопасности Грузии (по крайней мере, так думали грузины). Создание определенных институтов, гарантирующих особые права для абхазов как этнической общности, и предоставление специального статуса для Абхазии как территории (в обмен на отказ абхазов от пророссийской ориентации) было бы приемлемо для грузинского общества. Скорее всего это вызвало бы лишь недовольство со стороны живущих в Абхазии грузин, но при достаточно четкой позиции тбилисского руководства и этот

фактор мог быть нейтрализован.

На готовность Грузии дать особый статус и привилегии для абхазов оказывало влияние то обстоятельство, что в советских условиях абхазская автономия на практике означала не «абхазизацию», а русификацию. В Абхазии не существовало конфликта между абхазским и грузинским языками, реальное соревнование шло между грузинским и русским. В конце 70-х годов в ответ на требования абхазов в Сухуми открылся Абхазский университет с абхазским и грузинским отделениями. Однако абхазское отделение на самом деле было русскоязычным (если не считать некоторых гуманитарных курсов), тогда как на грузинском отделении преподавание шло на грузинском языке. Абхазский язык не слишком широко преподавался и в средних школах, и в других учебных заведениях. Таким образом, поскольку Грузия видела проблему в контексте отношений с Россией, «абхазизация Абхазии» — в той степени, в какой она уменьшила бы культурное доминирование России — стала бы приемлемым сценарием для умеренных националистов.

Существовали проекты помощи абхамам в «абхазизации» через такие мероприятия, как перевод и публикация учебников на абхазском языке, и т. п. Более радикально антигрузински настроенные абхазы распознавали в этом «грузинскую хитрость», нацеленную на отторжение абхазов от российских союзников. Подозрения были отнюдь небезосновательны, но, с другой стороны, в чем же заключался проект абхазов? Разумеется, у них было полное право избрать русификацию в качестве своего национального проекта, но тогда теряло смысл говорить о желании предотвратить «убыхский сценарий». Здесь у грузинской стороны был сильный аргумент.

Абхазской стороне было уже трудно принять компромисс, так как образ «грузинского империализма» пустил глубокие корни в сознании, и напряженность долго сохранялась бы в любом случае. Но если абхазы приписывали факт относительного абхазского большинства на их территории «имперской политике» Грузии — и это было реальностью, которую им приходилось принимать, — то не слишком сложно было вычислить, что полностью полагаться на российскую помощь также было не столь уж мудро. Поскольку реальная проблема состояла в получении гарантий на сохранение отдельной абхазской этнической общности, то грузинский аргумент, что у абхазов вряд ли было больше шансов сохранить свою самобытность в составе России, чем в Грузии, был весьма убедителен: судьба этнически родственных абхамам северокавказских народов, а также судьба самих абхазов в XIX в. свидетельствовала именно об этом. Конечно, было также немало символических

проблем, связанных со значением слов: абхазы не переносили слова «автономия», а грузины никак не могли понять, как это одна «республика» может иметь в своем составе другую. Но определенная степень политической находчивости могла помочь преодолеть эту проблему, так что обе стороны сохранили бы лицо, найдя компромисс, не противоречащий фундаментальным принципам каждого национального проекта. Это было бы не легко, и даже в самом благоприятном случае поиск «окончательно приемлемой» модели потребовал бы очень много времени, но временные решения в процессе переговоров не менее важны, ибо они подчеркивают достижимость компромисса между сторонами.

Разумеется, для осуществления такого воображаемого сценария потребовались бы чрезвычайно важные и проблематичные качества: благоразумие, терпение, рациональность и деликатность со стороны непосредственных участников конфликта. Требовалось также, чтобы могущественная «третья сила» (сначала советский «Центр», а затем Россия) проявила добрую волю и отказалась от попыток манипулировать конфликтом в своих интересах. Однако этих предпосылок в наличии не было. Наоборот, было бы весьма удивительно, если бы неопытные политические агенты, только что появившиеся из политического небытия, проявили подобные качества.

Почему война?

Я остановился на этих деталях для обоснования моего центрального тезиса. Выход на арену национализма, т. е. идеи национального государства как универсальной модели государственного строительства, является коренной причиной грузино-абхазского конфликта. Но почему этот конфликт в конечном итоге привел к насилию на этнической почве, это уже другой вопрос, и он требует других объясняющих факторов.

Эти факторы можно сгруппировать в две основные категории: первые объединяются под знаком «политической незрелости» и «отсутствия политических навыков», другие относятся к «конкретным обстоятельствам». Начну с первой категории (отнюдь не претендуя на полноту изложения):

1) *Предпочтение этноисторической, а не демократической легитимности.* Обе стороны искренне верили в справедливость своих притязаний, которые основывались на соответствующих версиях истории (о них я писал выше). Хотя этнодемографические изменения действительно произошли в результате «нелегитимных» актов завоевания или имперской политики, это не оправдывает игнорирования интересов реальных людей, которые становятся жителями

определенной территории в результате такой политики, но не могут нести за нее ответственности. Таково было грузинское отношение к осетинам, которые благодаря советской политике стали большинством в Юго-Осетинской автономной области (в особенности возросла их доля в населении столицы — Цхинвали). Абхазы так же относились к грузинам, живущим в Абхазии. Абхазская проблема стала достоянием массовой политики в Грузии в феврале 1989 г., когда большинство этнически абхазского населения Абхазии собралось в селе Лыхны для того, чтобы потребовать отделения от Грузии и вхождения в Российскую Федерацию. Принималось как само собой разумеющееся, что волю этнически абхазской общины можно было представить как волю Абхазии, ибо какова бы не была настоящая этнодемографическая ситуация, исторические права абхазской общины стояли выше прав всего населения территории под названием «Абхазия». В дальнейшем абхазские лидеры стали подчеркивать полиэтнический характер их национального движения, но на самом деле этот полиэтнизм представлял собой (относительно успешную) попытку создать коалицию «все против грузин».

Разумеется, грузинские националисты, особенно в эпоху Гамсахурдиа, были далеки от деликатного отношения к меньшинствам. Гамсахурдиа часто приписывают лозунг «Грузия для грузин»; фактически это неправильно: я никогда не видел такого лозунга на его манифестациях, и никто никогда не приводит источников, подтверждающих, что Гамсахурдиа использовал эту формулу, но тем не менее такой лозунг можно считать адекватным его истинной позиции. В грузинской прессе того периода можно без труда найти немало откровенно расистских высказываний. Разница здесь лишь в том, что в этом конкретном случае грузинская сторона могла апеллировать к демократическому принципу права большинства, чего нельзя сказать об абхазской.

2) *Революционно-конфронтационный настрой раннего националистического движения.* По своему стилю национальное движение в Грузии было, возможно, самым радикальным в бывшем Советском Союзе, по крайней мере среди движений на уровне союзных республик. Этот радикализм был направлен прежде всего против имперского Центра, а не этнических меньшинств. Он подразумевал символический отказ от сотрудничества с «оккупационными силами», а значит и от участия в «советских» выборах. «Компромисс», тем более уступка, даже «реализм», были неприличными словами, семантически родственными «трусости» в лучшем и «измене» в худшем случаях. Хотя некоторые грузинские националисты искали компромисса с мятежными меньшинствами, им было трудно идти против течения и убедить в полезности такого компромисса собственных

сторонников. Абхазы тоже вряд ли были далеки от прославления радикализма.

3) *Упрощенные подходы: образ главного врага как единственная точка отсчета.* Мировоззрение радикального национализма на его героико-революционной стадии обычно имеет чрезвычайно простую форму: все сводится к конфронтации «наш враг против нас». Поэтому для грузин абхазской проблемы как таковой просто не существовало: она была лишь дополнением к проблеме «Империя против

Грузии». Как только абхазы выдвигали требования, неприемлемые для Грузии, их рассматривали как марионеток, действующих под Диктовку России. Тот факт, что абхазы действительно искали союзника в Москве, лишь укреплял этот образ. Но в интересах Грузии было бы попытаться склонить абхазов на свою сторону или «соблазнить» их, предложив более выгодные условия, а не представлять их чаяния как с самого начала инспирированные Москвой. Однако грузинские радикалы не были сильны в искусстве политического соблазна и не считали необходимым в нем совершенствоваться. В свою очередь многие абхазы были ослеплены образом врага в виде «грузинского империализма» или «грузинского фашизма» и не старались увидеть что-то большее.

4) *Недостаток воли взять на себя ответственность за конфликт, выражающийся в апелляциях к третьей силе.* Упрощенный образ мира, проповедуемый идеологами радикального национализма, был результатом не только прямолинейности, но и средством избежать ответственности за реальные проблемы. Списывая само существование абхазской проблемы на происки России и представляя абхазских националистов как всего лишь российских марионеток, они пытались уйти от реальности. Но естественно, что уход от проблемы резко уменьшает шансы ее решить. После окончания войны грузинское правительство сменило политику, пытаясь решить проблему Абхазии через сотрудничество с Россией; это в принципе означало большой прагматизм (признавалась необходимость достичь компромисса с Россией), но старая линия ухода от проблемы осталась. Сделка с Россией виделась руководящей части грузинской политической элиты следующим образом: мы примем позор отказа от существенных элементов нашей независимости, но вы решите нам абхазскую проблему. Грузины не слишком много думали о том, как именно это должно было произойти: раз Россия создала проблему, у нее должен быть и ключ к ее решению.

Абхазы не могли позволить себе роскоши списывать грузинскую проблему на кого-нибудь еще: «грузинский фашизм» как таковой представлял собой зло, и нужно было с ним разбираться. Но им тоже было нелегко принять тот факт, что разбираться

надо совершенно самостоятельно. Многие шаги абхазов, предпринятые перед началом войны, были отчаянны и явно провокационны по отношению к Грузии, и трудно представить, что они могли предпринять их без надежды на помощь России¹. Можно считать, что их риск оправдался, но в начале никаких гарантий не было, хотя на карту было поставлено само физическое существование абхазской нации.

5) *Антиполитический настрой и недостаток уверенности в себе.* Этот фактор можно представить как коренной, из которого можно вывести все остальные, хотя трудно кратко сформулировать его суть. Выражая готовность сражаться и идти на жертвы для достижения независимости, грузины вместе с тем чрезвычайно скептически относились к правительству (даже своему собственному). Антиполитический настрой отнюдь не специфичен для Кавказа, и здесь не место судить о том, насколько он представляет собой дух нашей эпохи и насколько отчуждение людей от политической сферы является результатом коммунистического тоталитаризма. Но достаточно ясно, что недавняя история Грузии предоставляет немало примеров такого отношения. В военной сфере оно проявилось в полной неспособности построить боеспособную армию, так что результат войны — и судьба страны — зависели от энтузиазма и политических пристрастий нерегулярных добровольческих групп, которые государство очень слабо контролировало. С такой «армией» любая военная операция очень скоро дегенерировала бы в серию зверств, мародерства и этнического насилия, как это и случилось в большинстве посткоммунистических конфликтов.

Дефицит политической уверенности, проистекающий из отсутствия опыта в руководстве своими собственными делами, может быть другим возможным объяснением того же феномена. Грузины были пламенными националистами, но вместе с тем не слишком уверенными в своей способности построить государство и преследовать определенные цели через систематическую политическую работу, направленную на долгосрочные цели. Эта неуверенность в себе проявилась, особенно на первом этапе движения, в склонности к импульсивным и театральным действиям там, где требовались систематические усилия. Здесь Грузия представляет собой разительный контраст с Балтийскими государствами, народ которых проявил гораздо большую способность к организации и упорядоченному политическому действию. Более высокая в нормативном смысле политическая культура (здесь не важно, объясняется ли разница отличием гражданской культуры в целом или сравнительно недавним опытом независимости) способствовала тому, что балтийским элитам удалось не довести свои «этнические конфликты» с русским

¹ Червонная С. М. Абхазия-92: Посткоммунистическая Вандея. Москва, Мос-горпечать, 1993,

населением до стадии насилия.

Следует отметить, что в условиях, когда традиции и обстоятельства способствуют усилению антиполитических настроений, у более малочисленных участников конфликтов (абхазы, чеченцы, косовские албанцы и т. д.) появляется парадоксальное преимущество: при отсутствии государственно-политической традиции и уважения к формальному порядку и дисциплине вакуум заполняется этнической солидарностью и сознанием осажденности.

Тем не менее эти факторы — проистекают ли они из коммунистического наследия либо типа политической культуры — не следует рассматривать в качестве постоянных. По обе стороны ни политическая элита, ни общество в целом не были полностью лишены здравого смысла и сохраняли способность учиться на собственном политическом опыте. Грузинским националистам было достаточно ясно с самого начала, что внутренние конфликты в Грузии уменьшали шансы их движения в борьбе за независимость от Москвы, и потому, по крайней мере некоторые фракции внутри него, старались избежать прямой конфронтации с сепаратизмом меньшинств и/или найти какой-либо компромисс с ними, хоть и не всегда умело. Некоторые политики, например Гамсахурдиа, сознательно разыгрывали этническую карту, так как это приносило политические дивиденды. Но другие лидеры резко критиковали его за это и даже сомневались в том, не являются ли его методы игры на этнических чувствах подтверждением, что он «агент Москвы».

Но когда тот же самый Гамсахурдиа стал лидером Грузии, он повел себя гораздо более прагматично. Незадолго до выборов 1990 г. он отказался от своего требования отмены Юго-Осетинской автономии, хотя (в отличие от Абхазии) большинство грузинского общества не признавало ее законности. Правда, в этом случае оказалось слишком поздно: осетины провели выборы через несколько дней после грузинских и объявили о своей независимости, так что Гамсахурдиа не мог придумать какого-либо ответного хода, кроме как отменить автономию, таким образом способствуя взрыву насилия в регионе. Но с Абхазией он был гораздо более осторожен. Придя к власти, он не ставил под сомнение право абхазов на автономию, а в 1991 г. достиг компромиссного решения с абхазскими лидерами, сделав достаточно существенные с грузинской точки зрения уступки. Это соглашение было основано на избирательном законе, фактически основанном на этнических квотах. Абхазская община (17% населения) получила в местном парламенте 28 мест из 65, грузинская (46%) — 26, тогда как все остальное население (около 37%) было представлено лишь оставшимися 11 мандатами. Для конституционных изменений

требовалось две трети голосов, т. е. согласие между двумя общинами. По этой системе были проведены выборы в Верховный Совет Абхазии осенью 1991 г.

Это соглашение, соответствующее «сообщественным» принципам, рекомендованным некоторыми западными авторами для «глубоко разделенных обществ»¹, вскоре развалилось, и вряд ли могло оказаться прочным в долгосрочной перспективе. Особенно жестко его критиковали в грузинском обществе, называя «апартеидным законом». Но факт заключался в том, что грузинская и абхазская стороны, представленные такими жестко националистическими лидерами, как Гамсахурдиа и Ардзинба, достигли этого компромисса, причем без всякого нажима со стороны «третьей силы» (скорее всего, неразбериха в Москве после августовского путча как раз позволила им это сделать). Соглашение было основано на тех самых принципах, которые я очертил выше: абхазская сторона согласилась на решение своей судьбы в рамках грузинского государства, тогда как Тбилиси признавал особые права абхазов как единственного этнического меньшинства в Грузии, которое «автохтонно» и не имеет родины за пределами Грузии. Ни одна сторона не была полностью довольна, но это нормально для политических компромиссов. Этнически грузинская община в Абхазии была особенно недовольна, ибо чувствовала себя недопредставленной.

Если бы Абхазия с ее этнодемографическим составом 1991 г. была действительно независимым государством, это соглашение ливанского типа, видимо, рано или поздно привело бы к схожему конфликту между общинами вокруг перераспределения квот на руководящие должности. Но Абхазия таковым не была, и в случае «нормального» развития в собственно Грузии не было бы необходимости ликвидировать это соглашение. Центральное правительство в Тбилиси, очевидно заинтересованное в стабильности в одной из провинций страны и в легитимации подписанного им соглашения, могло сыграть на нейтрализации недовольства грузинской общины в Абхазии, тем самым постепенно завоевывая доверие абхазов. После спада первой волны особенно интенсивного национализма, грузинское руководство смогло бы позволить себе такого рода игру.

Без сомнения, этот «розовый» сценарий проверить уже невозможно (а автор в любом случае рискует быть обвиненным в «ненаучном» фантазировании). Хотя я не большой поклонник политических устройств, основанных на этнических квотах, но тем не менее считаю, что сам символизм, проистекающий из достижения соглашения, был важен, и мог служить основой для дальнейшей — хотя и очень

¹ Iijphart Arend. *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*. New Haven: Yale University Press, 1977

сложной — работы. Но реальность заключалась в том, что путь, по которому пошло развитие Грузии, был далек от «нормального», и именно это я имел в виду под второй категорией факторов — «конкретными обстоятельствами». В результате декабрьско-январского переворота 1991—1992 гг. авторитарный, психически, по мнению многих, неуравновешенный и явно неспособный к руководству президент Гамсахурдиа был свергнут странной коалицией националистически ориентированных повстанцев, либеральных демократов и коммунистической номенклатуры. Это привело к долгому периоду политической неопределенности и смуты. Через пару месяцев после переворота Эдуард Шеварднадзе, бывший коммунистический лидер Грузии и министр иностранных дел СССР, был приглашен привести дела в порядок. Он достиг определенного успеха, но для этого понадобилось немало времени и, кроме того, пришлось расплатиться потерей Абхазии.

Каковы бы ни были причины грузинской смуты¹, она поставила под сомнение хрупкий баланс сил в Абхазии, так же как и отношения между Тбилиси и Сухуми. Здесь следует выделить несколько причин и аспектов.

1) *Новое грузинское руководство не считало, что в его интересах пропагандировать легитимность грузино-абхазского соглашения, достигнутого Гамсахурдиа.* Делегитимация Гамсахурдиа составляла самую насущную задачу, стоявшую перед новым руководством, и поскольку изгнанный президент пытался представить Шеварднадзе как человека Москвы, сторонникам Шеварднадзе нужно было доказать, что, напротив, это Гамсахурдиа недостаточно усердно защищал национальные интересы страны. Грузино-абхазское соглашение, ущемлявшее права грузинского населения на «апартеидной» основе, было наиболее уязвимой мишенью. Официально не объявлялось, что соглашение не следует уважать, и на самом деле новое руководство отнюдь не было более агрессивно настроено по отношению к абхазам либо меньшинствам вообще, скорее наоборот, оно обвиняло Гамсахурдиа в «провинциальном фашизме» и стремилось сделать политику по отношению к меньшинствам более либеральной и граждански ориентированной, но критика соглашения в реальности подмывала базу его легитимности.

2) *Если имидж Гамсахурдиа как националистического лидера позволял ему заключать компромиссные соглашения, подобные абхазскому, то легитимность нового грузинского руководства зиждилась на более узкой основе, особенно до октября 1992 г., когда были проведены новые выборы. Кроме того, хотя Шеварднадзе и был номинальным лидером, он на самом деле не контролировал*

правительство и, в особенности, вооруженные формирования. Поэтому руководство было неспособно принять ключевые решения по Абхазии, тем более, что они подразумевали существенные компромиссы, ибо боялось подорвать хрупкую прошеварднадзевскую коалицию.

3) *Большинство этнически грузинского населения в Грузии поддерживало Гамсахурдиа, а не Шеварднадзе.* Кроме того, несколько соседствующих с Абхазией районов реально контролировались прогам-сахурдиевскими группами, открыто враждебными новому правительству (население этих районов, так же как и большинство грузинского населения в Абхазии, составляют мегрелы, субэтническая грузинская группа, к которой принадлежал и Гамсахурдиа и в которой он был особенно популярен). Это, естественно, серьезно уменьшало шансы грузинского правительства воздействовать на ситуацию в Абхазии, и наоборот, расширяло пространство маневра этнически абхазской фракции абхазского парламента. Грузинская фракция, хотя в основном и лояльно настроенная по отношению к Тбилиси, тоже была в замешательстве и не знала, как вести себя в создавшейся ситуации. Верховный Совет Абхазии разделился на две фракции, проабхазскую и прогрузинскую (после того как депутаты «третьих» национальностей поглотились ими, у них оказалось соответственно 34 и 31 мандат), мало расположенные к сотрудничеству друг с другом.

4) *Однако открытый вызов грузино-абхазскому соглашению был сделан не с грузинской, а с абхазской стороны.* Как представляется, руководство этнически абхазской фракции во главе с Ардзинбой увидело в распаде системы власти в Грузии шанс, который следовало использовать. Грузия была слаба и разделена, ее новое руководство не имело ни народной, ни формальной легитимности, и Абхазия была отделена от территории, находившейся под контролем правительства Грузии тем, что абхазы называли «мегрельской подушкой» (районами, контролируемые прогамсахурдиевскими силами). Вместе с тем они чувствовали, что шанс нужно было использовать быстро, ибо ситуация в Грузии могла с течением времени исправиться. Этнически абхазская фракция, имевшая небольшое большинство, решила забыть о соглашении и вообще проигнорировать этнически грузинскую фракцию Верховного Совета Абхазии (руководство последней не проявило политического умения и не смогло придумать ничего лучше, чем просто бойкотировать сессии, но большого выбора в любом случае у нее не было). Министр внутренних дел — этнический грузин — был насильно смещен с должности и заменен абхазом (распределение основных должностей в исполнительной власти

¹ Об этом см.: Georgia's Identity Crisis // Journal of Democracy. 1995/1. P. 104-116.

тоже было частью соглашения). В июле было принято самое провокационное решение: абхазская фракция парламента, используя свое небольшое большинство, восстановила конституцию Абхазии 1925 г., согласно которой она не была частью Грузии (текст восстановленной конституции был на самом деле проектом, отвергнутым в 1925 г., но это уже деталь). В качестве юридического предлога было использовано то, что в феврале 1992 г. грузинский Военный Совет формально восстановил действие конституции 1921 г., тем самым — с абхазской точки зрения — отменяя абхазскую автономию. Это решение военных властей было, без сомнения, не слишком дальновидным и мотивировалось стремлением умиротворить радикально-националистические группы, желавшие символически подчеркнуть юридическую преемственность с конституцией 1921 г., но та конституция тоже предусматривала автономию Абхазии. В декларации Военного Совета также говорилось, что конституция 1921 г. восстанавливалась «без изменения существующих границ и территориально-административного устройства (статуса Абхазской и Аджарской автономных республик)». В любом случае, предприняв этот шаг, абхазская фракция окончательно дезавуировала грузино-абхазское соглашение 1991 г., сущность которого состояла в том, что абхазский парламент не мог принимать конституционных изменений при помощи простого большинства, т. е. без согласия фракций, представлявших обе основные общины (казуистическое оправдание решения абхазской фракции состояло в том, что большинство в две трети было необходимо лишь для внесения изменений в конституцию, но не для восстановления действия старой конституции).

Открытый отказ абхазской фракции от соглашения 1991 г. означал фактическое восстановление того принципа, что историческому праву этнически абхазской общины дается предпочтение перед демократическими правами существующего населения Абхазии. Это означало латентное объявление войны грузинской общине в Абхазии и Тбилиси, а также существенно упрочивало позиции тех людей в грузинском руководстве, которые считали, что с Ардзинбой лучше всего общаться военными методами. Здесь я отнюдь не хочу сказать то, что начинать войну было правильно, но лишь то, что исключительно рискованные ходы Ардзинбы придали военным усилиям со стороны Грузии важный элемент легитимности.

В какой степени можно сказать, что Ардзинба сознательно провоцировал применение насильственных методов грузинской стороной? У такой провокации можно в принципе найти свою логику, если вспомнить этнодемографический состав предвоенного населения Абхазии, т. е. то, что этнически грузинское население превосходило абхазское почти в два с половиной раза. Это обстоятельство

беспокоило абхазов больше, чем что-либо другое, это было самым опасным наследием «грузинского империализма». Война была единственным путем к изменению такого баланса. Если основная цель посткоммунистических войн — этническая чистка, то в данном случае она входила в планы абхазов (в случае с Южной Осетией, согласно той же самой логике, изменение в этнодемографическом балансе требовалось уже грузинской стороне, потому начинать войну было в ее интересах). Ожидание помощи со стороны России давало надежду на успех. Если Ардзинба действительно верил, что грузины — внутренне склонный к геноциду народ, как его иногда представляют в Абхазии, то перспектива жить в условиях грузинского большинства была для его народа не слишком привлекательна. Это делает психологически понятным отчаянный шаг, который мог принести либо окончательную победу либо окончательный разгром.

Однако категорически утверждать, что дело обстояло именно так, нельзя, нужны гораздо более глубокие знания ситуации в Абхазии и настроения абхазского руководства перед началом войны. Моя предварительная гипотеза основана на наблюдениях над другими посткоммунистическими лидерами, показывающих, что ясное и последовательное просчитывание различных сценариев, которые вытекают из их действий, не слишком для них характерно. Теория рационального выбора здесь не находит обязательного применения. Кризис в Грузии мог создать в этнически абхазском руководстве настроение «сейчас или никогда», и их действия вполне сообразуются с подобным умонастроением; они могли инстинктивно стремиться к развитию событий в направлении вооруженного конфликта, что отнюдь не означает, что у них был ясный и хладнокровно просчитанный план начала войны.

Война и ее результаты

Почему в августе 1992 г. в Абхазии началась война и почему она привела к определенному результату в сентябре 1993 г. — сложная тема с множеством неясных военных и политических аспектов. Многое неизвестно, и немало тайн останутся нераскрытыми еще долго, а может и навсегда. Я лишь поделюсь соображениями по некоторым ключевым вопросам.

Начало войны — один из них. Согласно официальной грузинской версии, грузинские войска вступили в Абхазию для защиты автомобильных и железных дорог, но поскольку они встретили сопротивление абхазских повстанцев, которые представляли собой нелегальные военные формирования, то естественно, что правительственные войска попытались подавить сопротивление, а заодно и

отстранить от власти тех, кто это сопротивление инспирировал, т. е. абхазское сепаратистское руководство во главе с Ардзинбой. Но даже если официальную причину военной операции считать лишь предлогом, это был очень основательный предлог. В результате подрывных действий прогамсахурдиевских вооруженных групп ситуация на железных дорогах и автомагистралях была действительно отчаянная, а поскольку эти группы действовали и на территории Абхазии, военная операция по их нейтрализации должна была распространиться и на ее территорию.

Вопрос, однако, в том, что следует понимать под «грузинским правительством» и «грузинской армией» и кто что контролировал. Реально принимающим решения органом был в то время Президиум Государственного совета, состоящий из Шеварднадзе, Китовани и Иоселиани, двух предводителей вооруженных формирований, и премьера Сигуа, обычно поддерживавшего Китовани. Вряд ли мы когда-нибудь узнаем, что в действительности происходило на этих встречах и насколько действия отдельных лидеров следовали принимаемым там коллективным решениям. Сторонники Шеварднадзе в частном порядке обычно говорят, что на самом деле Шеварднадзе не хотел этой войны и все случилось в результате самовольных действий Китовани, которые, однако, Шеварднадзе пришлось потом узаконить. Публичные выступления Шеварднадзе обычно не являются образцами отчетливости и однозначности, а по мере того как Китовани и Иоселиани были сначала отстранены от власти, а затем и заключены в тюрьму, президент Грузии все больше склоняется к тому, чтобы переложить ответственность за начало войны на них.

Есть серьезные основания считать, что Шеварднадзе действительно не хотел начинать войну в Абхазии. Он чрезвычайно умелый политический игрок, но военно-стратегическое планирование не относится к его сильным сторонам, что и проявилось в ходе войны. Ситуация войны усиливала руководителей военизированных групп за счет его личной власти. Он положил конец конфликту в Южной Осетии, как только это позволила его ограниченная власть (в июле 1992 г.), вызвав почти открытое недовольство некоторых военных лидеров. Во время абхазской войны он шел на соглашения о прекращении огня, которые в военном отношении оказывались катастрофой для грузинской стороны. Некоторые нейтральные наблюдатели, встречавшиеся с ним лично в первые дни войны, свидетельствуют, что он находился в чрезвычайно угнетенном состоянии.

Все это находится в противоречии с тем фактом, что накануне начала военной операции в Абхазии Шеварднадзе выступил по грузинскому телевидению с объявлением ее плана. Разумеется, он говорил о вполне конституционных задачах

защиты автомагистралей и железных дорог, и его угрозы скорее были направлены против «звиадистов» (сторонников Гамсахурдиа), а не правительства Ардзинбы. Он утверждает, что план грузинской военной операции был согласован с Ардзинбой, но последний отрицает это (как проверить, кто прав?), но даже если бы Ардзинба действительно принял план, как мог Шеварднадзе ему доверять? И в то же время как он мог доверять своим собственным руководителям полувоенных формирований?

Я могу построить свою гипотезу лишь на знании общей ситуации и моего представления о характере Шеварднадзе и его приоритетах. Его отношение к войне было двойственным. Он не хотел войны в Абхазии, но был удручен чрезвычайно тяжелым положением в Западной Грузии, где звиадистские повстанцы унизили правительство, фактически захватив контроль над железной дорогой, взяв в заложники нескольких высокопоставленных правительственных чиновников, и никакой перспективы относительно улучшения ситуации не просматривалось. Ему нужно было предпринять какие-то решительные шаги, и он был под постоянным давлением со стороны военных лидеров, призывавших к жестким мерам против звиадистов (которые действовали и на части абхазской территории). В какой-то момент он уступил этому давлению, и, видимо, военные обещали ему не вступать в открытые столкновения с Ардзинбой и его силами. Верить этим обещаниям было безрассудно, но он навряд ли располагал властью остановить двух военных лидеров, поддерживавших военную акцию. Единственной альтернативой был уход в отставку, что было бы поступком благородным, но в тот момент чрезвычайно безответственным.

Когда военная операция началась, Шеварднадзе, по крайней мере на первых порах, полностью потерял над ней контроль. Вскоре, однако, он попытался овладеть ситуацией и удержал войска от попытки взять Гудауту, где нашло убежище правительство Ардзинбы. Позднее Китовани, руководитель военной операции, открыто сетовал, что «партии» (этот эвфемизм обозначал гражданских политиков, поддерживавших Шеварднадзе) «схватили его за обе руки» и не пустили в город. У Шеварднадзе было два различных объяснения, почему он не пустил войска в Гудауту. Во-первых, он руководствовался гуманными соображениями: если бы грузинские войска заняли этот район, наиболее густо населенный этническими абхазами, это было бы гуманитарной катастрофой. Кроме того, он понимал, что даже взятие Гудауты не избавило бы Грузию от продолжительной партизанской войны, и в тот момент он надеялся (ошибочно), что договориться с более умеренными абхазскими лидерами было еще возможно. Второе объяснение проще: российские военные, дислоцированные в Гудауте, открыто предупредили его, что

вступление грузинских войск привело бы к столкновению с ними, и Шеварднадзе отступил. Следует отметить, что одно объяснение другому не противоречит.

Впрочем, коль скоро война все же началась, Шеварднадзе попытался использовать ситуацию в борьбе с «звиадистами». В этом он добился лишь частичного успеха: мегрельские регионы, куда его пропаганда не доходила, продолжали поддерживать Гамсахурдиа, но когда грузинское телевидение передавало встречи северокавказских лидеров, обсуждавших вопросы оказания помощи абхазам против Грузии, и показывало среди участников обсуждения Гамсахурдиа, телезрители естественным образом начинали сомневаться в патриотизме последнего.

Двойственное отношение Шеварднадзе к войне продолжалось до самого ее конца, ибо, как мне представляется, послужило одной из причин *военного поражения Грузии*. Грузинский лидер проявлял большое личное мужество, появляясь на самых опасных участках и завоевывая популярность среди солдат. Возможно, он сделал все, что, по его мнению, нужно было сделать для того, что он постоянно называл «достойным завершением войны». Но, с одной стороны, он видел и то, что ситуация войны усиливала руководителей полувоенных формирований, что подрывало не только его положение лидера, но и перспективу наведения порядка в стране. Можно спорить, действительно ли он боялся усиления армии, но факт заключается в том, что он удивительно мало сделал для мобилизации ресурсов страны в этом направлении. С другой стороны, он — как, впрочем, большинство грузин — верил, что на самом деле война шла с Россией, и постоянно повторял, что ключ к решению конфликта лежит в Москве. Войны в Чечне еще не было, и безотчетное преклонение перед российской военной мощью имело широкое распространение. Он считал войну безнадежным мероприятием и стремился как можно быстрее выпутаться из нее, заключив любое соглашение при условии российских гарантий (именно поэтому он предпочитал говорить не о «победе» в войне, а о ее «достойном завершении» — что бы это ни значило). Он хотел этого так сильно, что обманывал себя и подписывал соглашения, невзирая на тяжелые последствия для Грузии. Соглашение от сентября 1992 г., заключенное при посредничестве российского президента Ельцина, хоть и выглядело выгодным для грузинской стороны, закончилось потерей ею северной части Абхазии, т. е. потерей контроля над границей с Россией, тогда как второе соглашение от июля 1993 г. привело к падению Сухуми и потере остальной части Абхазии. При всем уважении к героическим усилиям абхазских повстанцев и их помощников можно констатировать, что они достигли двух наиболее важных военных успехов (взятие

Гагры и Сухуми) лишь после того, как Шеварднадзе положился на российские гарантии и приказал вывести из этих городов большую часть грузинских подразделений.

Было бы несправедливо сваливать всю вину лично на Шеварднадзе. Вера в то, что война шла на самом деле с Россией, разделялась подавляющим большинством грузин, так же как завроженность российской военной мощью, которая считалась бесконечно превосходящей грузинскую. То, что называлось грузинской армией, было на самом деле совокупностью самоуправляемых (т. е. неуправляемых) батальонов с поэтическими названиями и слабой координацией, в которых романтические патриоты воевали рядом с бандитами. Они были способны на героическое поведение в отдельных эпизодах, но вполне могли не выполнить не понравившийся им приказ. Их постоянные зверства по отношению к мирным жителям (не только абхазам) вызвали отчуждение местного населения (в том числе и грузинского) и существенно подорвали международный имидж Грузии. Однако известно, что многие посткоммунистические войны ведутся спонтанно созданными полувоенными формированиями, которые нигде не ведут себя корректно и благородно, но некоторые из них тем не менее одерживают победы. Как и во многих войнах (российско-чеченская война — прекрасный тому пример), проигрывает тот, кто проигрывает психологически. В данном случае таковой была грузинская сторона.

Хотя абхазская сторона объективно находилась в худшем положении, особенно в начале войны, она проявила большую твердость. Российская военная поддержка (пусть ее роль преувеличивалась грузинской стороной) объясняла многое, но самой по себе ее было бы недостаточно. Абхазы вели войну за сохранение своего физического существования, и это было основой для сильнейшей консолидации всех сил. Большинство нейтральных наблюдателей, с которыми мне удалось поговорить, отмечают, что у полувоенных подразделений, воевавших на абхазской стороне, уровень организованности и боеготовности был намного выше. Как это ни парадоксально, но даже русские военные, как видно, с большим воодушевлением воевали на абхазской стороне, чем в Чечне.

Здесь следует добавить об отношении общества к войне. В отличие от российско-чеченской войны, которую значительная часть российского общества не поддерживала, а после поражения по-видимому согласилась бы даже с тем, чтобы вообще отказаться от Чечни, грузинское общество считало, что сохранение Абхазии в составе Грузии — причина, которая в принципе оправдывает крайние методы; усилия по возвращению Абхазии и сейчас крайне важное место в национальной

повестке дня. Разница может быть объяснена тем, что чувство привязанности к Чечне как части российской территории в народном сознании вряд ли превышало чувства привязанности к Эстонии или Грузии (если можно было смириться с потерей Эстонии или Грузии, почему нельзя смириться с потерей Чечни?), тогда как грузинское общество воспринимало Абхазию как неотъемлемую часть страны, за которую стоило повоевать. Либерально-пацифистских голосов практически не было слышно. Единственной влиятельной силой, которая не приняла войну, были сторонники изгнанного президента Гамсахурдиа, которые считали Шеварднадзе ставленником России, а войну российской провокацией, направленной на отторжение Абхазии от Грузии (результаты войны лишь утвердили их в этом мнении). Те же самые люди, однако, горячо поддерживали войну и затем не приняли мира в Южной Осетии (ибо ту войну начал Гамсахурдиа, а остановил Шеварднадзе), и скорее всего поддержали бы и военную операцию в Абхазии, если бы она была осуществлена Гамсахурдиа. В то же время, хотя легитимность войны редко ставилась под вопрос, сомнения в правильности обращения к военным методам высказывались чаще, особенно по ходу развития событий и, естественно, после поражения: да, пролить кровь за сохранение неотъемлемой части страны было правым делом, но было ли это необходимо? Не было ли это просчетом? Сейчас большинство склоняется именно к негативной оценке, но вначале это было не так.

Совсем другое дело, насколько люди были готовы идти на войну. Как я уже говорил, большинство этнически грузинского населения Абхазии поддерживало Гамсахурдиа, следовательно, не верило в эту войну. Это привело к парадоксальной ситуации: те грузины, для которых ставки были выше всех (и которые в конце концов все потеряли в результате войны), вообще не хотели воевать. Здесь сыграла роль и гамсахурдиевская пропаганда: как затем свидетельствовали многие беженцы, распространялись слухи, что, согласно его договору с Ардзинбой, сторонников Гамсахурдиа абхазы не тронут. Для большинства тех, кто воевал, территориальная целостность Грузии была политическим принципом, не связанным с личными интересами. Но благодаря вышеописанным аполитичным настроениям моральные обязательства, вытекавшие из национализма, не трансформировались в конкретную обязанность военной службы. Многие молодые грузины пошли на войну, следуя романтически-патриотическому порыву; но идти на войну или продолжать воевать было для них личным выбором, а не обязанностью. На практике верность друзьям и определенным командирам значила намного больше, чем абстрактный патриотический долг. Попытки создать военные подразделения на основе регулярного призыва не привели к ощутимым результатам. Более того, двойственное

отношение к войне самого грузинского правительства (причины которого я попытался объяснить выше) тоже не способствовало усилению патриотического энтузиазма. Многие бойцы спрашивали (эти настроения находили отражение в грузинских средствах массовой информации, и я сам слышал подобные высказывания): а настоящая ли это война? Действительно ли наше правительство хочет, чтобы мы ее выиграли?

У меня имеется гораздо меньше информации о настроениях на абхазской стороне, но, по-видимому, уровень консолидации в абхазском обществе исключал любые дискуссии о легитимности войны. Руководство Абхазии представляло эту войну как борьбу за физическое выживание абхазской нации, что не оставляло места для альтернативного отношения к ней. Тем не менее широко известно, что в самом начале войны абхазские и грузинские общины, жившие в одних и тех же или соседних деревнях, заключали нечто вроде «сепаратных пактов»: войну начали политики, у которых счеты друг с другом, говорили они, а мы давно живем в мире и не собираемся принимать участие в их войне. По ходу войны, однако, когда множились взаимные зверства (или слухи о таковых), такие соглашения постепенно дезавуировались. Многие абхазы эмигрировали, и можно только гадать, было ли их мотивом одно спасение или также и несогласие с радикализмом Ардзинбы (мне незнакомы попытки исследовать этот аспект).

Главным *результатом войны* было не только поражение грузинской армии и ее изгнание из пределов Абхазии, не менее важным стало резкое изменение этнодемографического баланса в этом регионе. Хотя небольшая часть грузинского населения осталась (в основном из числа сторонников Гамсахурдиа), в политическом отношении их роль незначительна. Более двухсот тысяч грузин было изгнано. Статистические выкладки обеих сторон не слишком надежны, так что не ясно, являются ли сейчас этнические абхазы большинством в Абхазии, но этнический элемент, в котором они видели наибольшую опасность, ныне вытеснен (за исключением района Гали, куда часть беженцев затем стихийно возвратилась).

Роль России

Это, возможно, наиболее противоречивый аспект грузино-абхазского конфликта. Без сомнения, в результате серьезного анализа истина должна оказаться где-то посередине между крайними точками зрения, одна из которых состоит в сведении всех проблем Южного Кавказа к злым козням России, а другая — в видении российского влияния на южнокавказские дела как полезного или даже стабилизирующего фактора.

Но одно можно сказать с уверенностью: Россия была и остается наиболее

крупной, хотя отнюдь не надежной, союзницей Абхазии в этом конфликте. Во многих отношениях абхазов не удовлетворяет поведение России, но других политически значимых союзников у них просто нет. Поэтому, даже после согласия саммита СНГ в марте 1997 г., в противовес требованиям абхазов, на то, чтобы изменить в зоне конфликта мандат российским миротворцам, формально действующим под эгидой СНГ (что, разумеется, не могло произойти без согласия России), Ардзинбе все же пришлось повторить, что он принимает как основного миротворца Россию, которой следует продолжить ее миссию.

В этой связи возникает самый главный вопрос: в чем состоят мотивы России и насколько далеко может зайти их поддержка Абхазии? Я начну с почти уже тривиальной фразы о том, что у России отсутствует последовательная политика на Кавказе¹. С одной стороны, это частично подтверждается тем фактом, что в российском руководстве нет единого центра, определяющего российскую политику в регионе (как было много раз отмечено, министерство иностранных дел и министерство обороны имеют различные интересы, которые в свою очередь отличаются от экономических интересов групп, представленных Черномырдиным, Березовским и т. д.)². С другой стороны, Россия стоит в регионе перед объективными трудностями, которые также объясняют ее противоречивую политику.

Однако, когда последовательная и рациональная политика отсутствует, действиями начинают руководить инстинкты, а инстинктивное поведение может быть по-своему весьма последовательным. По отношению к Кавказу, с одной стороны, российской политикой руководил инстинкт сохранения максимально возможной силы и влияния, а военное присутствие считалось основным методом достижения этой цели. Российские стратеги совершенно правильно предполагали, что если ее южным соседям — Грузии и Азербайджану — разрешить делать, что они хотят, они попытаются проводить независимую внешнюю политику и искать

¹ Этого мнения придерживается и большинство российских ученых. См., напр., Дмитрий Тренин, «Интересы безопасности и политика России в кавказском регионе», в кн.: «Спорные границы на Кавказе», под ред. Б. Коппитерса, М., Издательство «Весь Мир», 1996. С. 102—115.

² «В начале 1997 г. процесс формирования российской внешней политики определялся, по-видимому, шестью основными действующими лицами: (1) сам Ельцин и его большой президентский аппарат; (2) МИД во главе с Примаковым; (3) Лукойл, Транснефть, Газпром и другие энергетические конгломераты, связанные с премьер-министром Виктором Черномырдиным; (4) Минобороны, ведомое Игорем Родионовым; (5) Минатом под руководством Виктора Михайлова; (6) Министерство внешних экономических сношений во главе с Олегом Давыдовым, и «Росвооружения», подчиненная министерству государственная экспортная компания». — Freedman Robert O. *Russian Policy Making and Caspian Sea Oil//Analysis of Current Events*. Vol. 9. No. 2. February 1997, ch. 6. — Список действующих лиц (почему бы не добавить, например, Пограничную федеральную службу во главе с ген. Николаевым?) и их относительный «вес» может меняться от случая к случаю, но представление о том, что единый центр, формирующий внешнюю политику, просто отсутствует, разделяется всеми

альтернативных партнеров и союзов вместо того, чтобы избрать эксклюзивную ориентацию на Россию. Грузия обычно ориентирована на Запад, Азербайджан первоначально видел независимость как шанс установить близкое партнерство с Турцией и с западными нефтяными компаниями. Как могла Россия противостоять этим тенденциям? Она была слишком слаба и внутренне разобщена, чтобы стать сильной точкой притяжения для своих новых соседей («ближнего зарубежья»), или по крайней мере не верила в свою способность стать такой точкой притяжения без соответствующего военного давления. Наиболее эффективным путем сохранения влияния на Кавказе представлялось манипулирование происходящими там конфликтами — потому это и стало основным направлением ее политики в регионе. Единственной возможностью приостановить процесс «отпадения» этих стран от России было усугубление их внутренних трудностей: слабые и раздираемые внутренними противоречиями, они менее способны противостоять российскому влиянию.

Преимущественное материальное выражение этого влияния виделось в российском военном присутствии. Широко известно, что военные оказывали решающее влияние на российскую политику в «ближнем зарубежье»; в первые годы после распада СССР было установлено некое неформальное разделение труда: МИД в основном занимался «настоящим» зарубежьем, а отношениями со странами бывшего СССР в основном занималось министерство обороны. Впрочем, многие российские политики из гражданских, не обязательно представлявшие крайне националистические взгляды, тоже разделяли выше охарактеризованное отношение к Кавказу¹.

С другой стороны, у России были и более «реальные», рациональные интересы. Северный Кавказ является частью России, и сохранение стабильности в этом регионе было и остается для нее чрезвычайно важным. Чеченская проблема к тому времени уже существовала, и в 1992 г. были серьезные опасения, что чеченский прецедент мог привести к «эффекту домино» и дальнейшей дезинтеграции страны. В этом отношении нестабильность на Южном Кавказе, в частности в Грузии, казалось, не соответствовала интересам России. Поскольку абхазская проблема в правовом отношении была аналогична чеченской, поддержка сепаратистских течений была для России нелогична. Кровавое пролитие на Южном

экспертами по России.

¹ Как сказал в интервью с нами в 1994 г. либерально настроенный член российской Думы, подавляющее большинство думского комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками считало, что следует способствовать ослаблению и разделению Грузии, с тем чтобы Россия могла там доминировать. Председатель комитета Константин Затулин заявил про страны, подобные Грузии, что

Кавказе могло отразиться и на России, как минимум в виде потока беженцев.

В российской политике существовало и противоречие между геополитическими и экономическими интересами, выразившееся прежде всего в отношении к азербайджанской нефти: тогда как МИД проводил политику, согласно которой Азербайджан не имел права на самостоятельную разработку каспийской нефти (для этого ставился под вопрос правовой статус Каспийского моря как озера, исходя из чего не признавалось исключительное право Азербайджана на его прибрежные месторождения), деловые круги, политически представленные премьер-министром Черномырдиным, стремились получить свою долю в нефтяном бизнесе (в конце концов эту долю получила компания «Лукойл»). Но в отношении Абхазии противоречия такого рода существенной роли не играли — регион был экономически менее значимый.

Военная стадия конфликта в Абхазии совпала с обострением поляризации среди российских политических сил между демократами, ведомыми президентом Ельциным, и противостоящими ему неоккоммунистами и националистами («красно-коричневой» коалицией). Конфликт в Абхазии оказался одной из сфер, в которой эти силы схлестнулись. Сторона Ельцина склонялась к поддержке правительства Шеварднадзе, т. е. по крайней мере принципиальному признанию территориальной целостности Грузии; коммунисты и националисты, в свою очередь, открыто поддерживали абхазов и выступали с призывами присоединить Абхазию к России. Шеварднадзе в течение всей войны подчеркивал различие между «демократической» и «реакционной» Россией и использовал любую возможность для того, чтобы выразить поддержку Ельцину.

Впрочем, линия, разделяющая «демократическую» и «реакционную» Россию, была не так четко прочерчена, как того хотелось бы Шеварднадзе. Министр обороны Грачев был человеком Ельцина, но в целом российские военные поддерживали абхазскую сторону. Естественно, хорошие отношения с собственным военным ведомством были для Ельцина намного дороже, чем поддержка со стороны Шеварднадзе или территориальная целостность Грузии (даже с учетом последствий для Чечни), и он не мог рисковать своей позицией, явно идя против желаний военных. И поскольку представители всего политического спектра считали сохранение Южного Кавказа под контролем России важным приоритетом, правительство тоже было далеко от прогрузинского консенсуса. Российская политическая элита не воспринимала грузинское государство серьезно, поэтому ей было трудно поставить абхазскую и чеченскую проблемы на один уровень:

большинство российских политиков считало, что чеченскую проблему рано или поздно удастся уладить без особенного напряжения, так почему бы не поманипулировать абхазским конфликтом с тем, чтобы преподнести урок грузинам? Проправительственные силы скорее всего не поддержали бы открытую интервенцию в Грузию, своевольные действия военных, слабо подчиняющихся гражданскому правительству, не могли их не беспокоить, но независимая позиция Грузии, которая не хотела вступать даже в СНГ, им просто действовала на нервы. В то же время часть либеральных политиков и интеллектуалов (таких, как Галина Старовойтова или Елена Боннер) рассматривали Грузию в качестве «малой империи» и предпочитали выказывать поддержку Абхазии из моральных соображений. Если Россия «отпустила» Грузию, говорили они, почему бы и Грузии не «отпустить» Абхазию?

Еще одной «объективной» причиной, почему российское правительство остерегалось прекратить поддержку Абхазии, был страх перед отчуждением северокавказских автономий. Парадоксальным образом (и, возможно, неожиданно для самих российских политиков), абхазский конфликт помог изменить русло для выражения растущей националистической энергии северокавказских народов, которая в ином случае угрожала взрывом собственно в России (по крайней мере, в России этого боялись). Лидер Конфедерации народов Кавказа Муса Шанибов открыто угрожал российским властям, что если они поддержат Грузию в войне с Абхазией, северокавказские республики последуют примеру Чечни (т. е. пойдут по пути независимости от России).

Таким образом, если националистически-коммунистическая оппозиция открыто и последовательно поддерживала абхазскую сторону, позиция правительства и его сторонников в демократическом лагере была скорее двойственной. На практике это означало, что Ельцин не слишком старался контролировать своих военных в Абхазии, зато время от времени выражал общую поддержку «территориальной целостности Грузии». Очевидный факт, что обе стороны конфликта в Абхазии (так же как и все стороны всех кавказских конфликтов) |. снабжались оружием российскими военными, может быть объяснен различным образом: тем, что России было выгодно продолжение войны; что правительство не было способно остановить прибыльную для военных нелегальную торговлю оружием; что различные политические и военные группировки поддерживали разные стороны в конфликте; что российское правительство не могло определиться, кого поддерживать, и время от времени меняло свои установки. Впрочем, все эти объяснения друг друга не исключают.

Отношение России к Абхазии может быть рассмотрено как частный случай использования в собственных интересах внутренних конфликтов в «ближнем зарубежье». Но были и специфические особенности. Абхазия была одним из самых популярных курортных мест в бывшем СССР, так что многих россиян, особенно из элиты, связывали с ней личные сентиментальные воспоминания. Это делало идею присоединения Абхазии к России или, по крайней мере, сохранения некоторой формы российского контроля над ней привлекательной и значимой. Кроме того, некоторые представители российской элиты, в том числе и военной, а также организации и ведомства владели в Абхазии собственностью, что создавало и конкретные экономические интересы. Личная ненависть российских военных к Шеварднадзе за его роль в распаде советской империи — еще один частный, но, возможно, отнюдь немаловажный фактор¹.

Имела ли российская поддержка решающее значение для победы абхазов? Мой уровень осведомленности о военной стороне конфликта не дает возможности ответить на этот вопрос, и, видимо, любую оценку было бы чрезвычайно сложно проверить. После военного успеха чеченцев против российских сил кажется в принципе вероятным, что и абхазы могли бы самостоятельно побить грузин, особенно учитывая то, что было сказано выше о дезорганизованности грузинских войск и отсутствии единства и стойкости в грузинском руководстве. Но остается неопровержимым фактом то, что поддержка со стороны России, причем существенная, была оказана. Не претендуя на окончательный ответ, я лишь подчеркну несколько пунктов.

1) Чеченцы, несомненно, развеяли миф о непобедимости российской армии, бытовавший на Кавказе. Но во время абхазской войны этот миф был еще жив. Сам тот факт, что российские офицеры (в отставке или на действительной службе) воевали на абхазской стороне, а российские самолеты бомбили грузинские позиции, так же, как и гражданские объекты (по крайней мере, два этих обстоятельства трудно отрицать), существенно подрывал дух грузинской армии и убеждал руководство, что войну выиграть невозможно.

¹ В интервью «Московским Новостям» Сергей Леоненко, воевавший в Абхазии подполковник российской армии в отставке, назвал ненависть к Шеварднадзе главной причиной, почему российские военные (имеются в виду регулярные части российской армии, дислоцированные в Абхазии) поддерживали абхазскую сторону. При этом он отметил: военные считали, что, поддерживая абхазов, они защищают национальные интересы России. В ответ на вопрос о конкретных Формах поддержки он сказал, что не может сказать все, так как существует официальная установка о нейтралитете, но признал, что абхазы всегда могут получить от российской армии «полностью разработанный план военных действий». «Успехи абхазской армии тому подтверждение, — продолжал он. — Но бои за Сухуми будут затяжными, поскольку в армии маловато тех, кто способен грамотно осуществлять эти планы. Нам нужно срочно доукомплектовывать это звено. В основном за счет российских офицеров...»

2) Очевидно, что обе стороны воевали при помощи российского оружия, но ясно и то, что российские военные симпатизировали скорее абхазской, чем грузинской стороне. Отсюда логично заключить, что абхазская сторона имела более благоприятный климат в; поставках вооружений. Поскольку эти последние были политически мотивированы, Россия могла поставлять Грузии достаточно вооружения, чтобы та могла продолжать войну (и тем самым становиться все слабее), но не победить.

3) Отнюдь не разумеется само собой, что представление о военной доблести чеченцев автоматически приложило и к абхазам. Чеченцы — горский народ с очень сильными военными традициями, что трудно сказать об абхазах. Последние сильно урбанизированы, и активное участие в туристическом бизнесе обычно не слишком способствует укреплению воинских традиций.

4) Выше я уже сделал парадоксальное предположение, что боевой дух российских военных в Абхазии был выше, возможно даже намного выше, чем в Чечне. Многие из тех, кто участвовал в собственно военных операциях, были отставными офицерами, т. е. людьми с гораздо более высокой квалификацией, чем неопытные юнцы, которые плохо понимали, что они делают в Чечне. Финансовый интерес, конечно, мог быть также частью их мотивации, но, насколько можно судить по приведенному выше интервью Сергея Леоненко, патриотические соображения тоже играли немалую роль. Они верили, что защищают национальные интересы России и мстили их предателю — Шеварднадзе (который был гораздо более естественным объектом их гнева, чем такие люди, как Дудаев или Масхадов). Кроме того, воюя на стороне «угнетенных» абхазов против «грузинского империализма», они тем самым освобождались от собственного чувства имперской вины. Комбинация организационной и материальной поддержки со стороны регулярных военных частей с профессионализмом и высокой мотивацией добровольцев/наемников могла оказаться весьма значимой.

5) Российская поддержка сильно укрепляла уверенность абхазской стороны в себе не только во время, но и до и после войны. Сейчас, естественно, невозможно дать точный ответ на важный вопрос, пошел бы Ардзинба на столь рискованные и конфронтационные шаги до войны, не надеясь на помощь России, хотя предположить таковое было бы естественно. В послевоенный период надежды на приход к власти в России коммунистов и националистов, которые, по крайней мере, будучи в оппозиции были настроены в пользу абхазов, удерживали абхазских лидеров от того, чтобы идти на какие-либо компромиссы.

Послевоенная ситуация и перспектива урегулирования

Унизительное поражение в войне, которое было воспринято прежде всего как поражение от России, заставило Грузию резко изменить отношение к северному соседу. Присоединение к СНГ было воспринято в Грузии как символ капитуляции, как отказ от национального проекта (сейчас достаточно ясно, что значение СНГ было сильно преувеличено, но символы всегда играли центральную роль в грузинской политике). В виде награды за подписание акта о капитуляции Грузия надеялась получить мир, стабильность, лучшие условия жизни и решение проблемы Абхазии в собственную пользу.

Поначалу она действительно получила дивиденды от предпринятого шага: звиадистское восстание в Западной Грузии было быстро и относительно малой кровью подавлено, что указывало на поворот к стабилизации. Российские военные почти не принимали прямого участия в военных антизвиадистских действиях, но демонстрации поддержки правительству Шеварднадзе было достаточно, чтобы обеспечить последнему решительную победу. Относительно легкое решение проблемы звиадистов, которая беспокоила новое правительство в течение почти двух лет, не только казалось чудом, но и породило ожидание новых чудес. Главным шансом — или иллюзией — новой политики оказалось получение надежды на изменение результатов военного поражения в Абхазии. Формой этого изменения должна была стать договоренность, неофициально определяемая как «базы за Абхазию». Грузия согласилась узаконить российское военное присутствие в виде: 1) миротворческих сил в Абхазии; 2) пограничных войск, охраняющих границу с Турцией; 3) нескольких военных баз, расположенных в различных частях Грузии. В качестве компенсации она ожидала «возврата Абхазии», т. е. российскую помощь в деле восстановления фактического контроля над отколовшимся регионом. Обязательство об оказании такой помощи, конечно, не было вписано в какие-либо официальные документы, хотя в варианте договора между двумя странами, парафированного министрами обороны весной 1995 г., была приписка о том, что договор вступит в силу лишь в случае восстановления грузинской юрисдикции над Абхазией. В окончательном варианте, подписанном Шеварднадзе в октябре того же года, приписки уже не было, но он много раз публично заявлял, что восстановление территориальной целостности Грузии здесь подразумевается (договор все еще не ратифицирован). Не был выработан и более или менее конкретный план того, каким образом предполагалось восстановить грузинский контроль над Абхазией, но подразумевалось, что массовое возвращение беженцев под защитой российской армии должно было стать первым шагом к этому. Российский министр обороны Грачев давал лишь неофициальные и скорее общие обещания в присутствии

свидетелей¹. Было несколько моментов, когда многие, в том числе и близкие к правительству чиновники, ожидали, что «вот-вот начнется». Последнюю дипломатическую победу Грузия одержала на саммите СНГ в марте 1997 г., когда территория, на которой миротворческая операция должна была осуществиться, была расширена вглубь Абхазии, что могло обеспечить условия мирного возвращения беженцев по крайней мере в южную часть Абхазии. Однако абхазское руководство отказалось признать новый мандат миротворческой операции, измененный без ее согласия, и пригрозило вообще потребовать вывода российских войск. К концу мая 1997 г. все свелось к консультациям о том, как следует выполнять постановление саммита СНГ.

В результате так ничего и не произошло. Российская позиция остается двойственной. Казалось очевидным, что для России поддержка Абхазии была средством наказать Грузию, подчинив ее своему влиянию. Но если Грузия согласилась подчиниться этому влиянию, то почему бы не наградить ее, отказавшись от такой поддержки? Подобное рассуждение при всей своей логичности слишком упрощенно. Опыт последних трех лет показал, что Россия не расположена резко менять ситуацию и вряд ли способна на это. Во-первых, попытка изменения ситуации потребовала бы немалых усилий и была бы связана со слишком большим риском, а для этого у России нет ни мотивации, ни возможности. Во-вторых, Россия боится, что если Грузия с ее помощью решит проблему Абхазии, тем самым будет потерян важный рычаг давления. Российские политики думают (правильно), что Грузия не согласится быть в зоне эксклюзивного геостратегического влияния России, если она не будет находиться под постоянным давлением. Удерживать конфликт в Абхазии в подвешенном состоянии кажется единственным шансом обуздания Грузии. Что касается абхазов, то поскольку у них нет другого выхода, кроме как искать помощи у России, считать их российскими марионетками тоже нельзя. Методы политического и экономического давления вряд ли достаточны, чтобы вынудить их к компромиссу. После войны в Чечне даже самые наивные из пророссийски настроенных грузинских политиков понимают, что Россия никак не будет проливать кровь своих солдат в Абхазии для того, чтобы узаконить базы в Ахалкалаки или Батуми (а без кровопролития резких изменений не будет). Другой вариант «окончательного решения» (присоединение Абхазии к России) возможен лишь в воображении наиболее крайних российских националистов.

Короче говоря, сложившуюся ситуацию в грузино-абхазском конфликте можно охарактеризовать как неустойчиво-тупиковую стабильность. Грузия и Россия

¹ См.: Ghia Nodia. Waiting for the Russian Bear // War Report. June 1995. No. 34. P. 39-40.

стараятся перехитрить друг друга вокруг недостижимой сделки «Абхазия за базы» (ситуация сильно напоминает переговоры двух жуликов из «Двенадцати стульев»: «Утром стулья, вечером деньги». — «Нет, утром деньги, вечером стулья»). Ни одна сторона не может добиться своего, но и не может отказаться от переговоров: Грузия боится, что Россия снимет все ограничения по отношению к Абхазии и займет открыто проабхазскую позицию, тогда как Россия опасается, что Грузия станет открыто выступать против ее военного присутствия. В Грузии время от времени вспоминают о том, что военный метод решения конфликта еще существует, но к строительству сильной армии особых усилий не прилагается, и перспектива вовлечения в новую военную авантюру энтузиазма не вызывает. Каждый раз, когда требуется продлить мандат российских миротворцев (т. е. два раза в год) поднимается новая волна давления и переговоров, но без серьезных последствий. У абхазов нет другого выбора, кроме как выжидать, беспокоясь, как бы Россия и Грузия в конце концов не договорились за ее счет, тем временем продолжая пользоваться плодами фактической независимости. Ни одна сторона не удовлетворена происходящим, но у каждой из них есть возможность жить с этой неудовлетворенностью: Грузия строит нефтепровод от Каспийского к Черному морю, Абхазия проводит выборы и отмечает государственные праздники, Россия договаривается об особых отношениях с НАТО, и это может продолжаться достаточно долго («кипрская модель» часто упоминается как аналог абхазской ситуации). Решительная попытка изменить ситуацию в пользу одной из сторон может подорвать пусть хрупкое, но равновесие и обернуться против инициатора, так что все соблюдают осторожность. Действительно, страдают лишь беженцы, но, учитывая опыт Ближнего Востока и многих других мест в мире, беженцы могут и подождать.

Как же выйти из этого тупика? Какие серьезные изменения могли бы подтолкнуть к решению проблемы? Я перечислю несколько вариантов.

1) *Резкое изменение российской позиции.* Можно предположить, что Россия смирится как с реальностью, что сохранить Грузию и Азербайджан в зоне своего исключительного влияния все равно не удастся. Настаивать на присутствии российских пограничников на грузино-турецкой границе и военных баз в других точках означает разбазаривание экономических ресурсов и политического капитала в условиях дефицита и того, и другого. Назревшая реформа российской армии требует сосредоточения ресурсов, что мало совместимо с выплатой зарплат грузинским и армянским военнослужащим, составляющим большинство теоретически «российского» военного контингента на Южном Кавказе. Часто

выдвигаемый Россией аргумент о том, что без российского военного присутствия Южный Кавказ был бы постоянно охвачен хаосом, дестабилизирующим положение на Северном Кавказе, мог убедительно выглядеть в 1992—1993 гг., но не сейчас. Грузия и Азербайджан вряд ли станут открытыми противниками России, стремящимися подорвать ее стабильность: в настоящее время у всех троих также существует немало общих интересов, а если российская экономика начнет подниматься, она станет чрезвычайно сильным магнитом для Южного Кавказа. До сих пор политика, основанная на военном давлении, не только не помогала России достичь своих целей, но приводила к противоположным результатам: Абхазия представляет собой наглядный пример того, как Россия экономически отрезала себя от Южного Кавказа. Если России нужна стабильность на Южном Кавказе — эта позиция в списке национальных интересов России заслуживает лишь уважения, — то усиление западного присутствия в регионе имеет стабилизирующий эффект, и России следует лишь приветствовать его дальнейшее расширение. Если бы я был российским политическим стратегом, то посоветовал бы президенту Ельцину начать вывод российских войск из Южного Кавказа начиная с Грузии (Армения действительно хочет российского военного присутствия, но это несколько другой вопрос). По моему убеждению, это сразу усилило бы у грузин дружеские чувства к России и по прошествии определенного времени повысило бы политическое и, особенно, экономическое влияние России. Да, военные были бы недовольны, но большинство российского общества скорее всего поддержало бы такое изменение российской позиции.

Насколько это реалистично? Я уверен, что вышеприведенное рассуждение вполне укладывается в русло российских национальных интересов. Я недостаточно гегельянец для того, чтобы верить, что все разумное в конце концов обязательно станет действительным, и сами россияне иногда настаивают, что их страна не уместается в рамки рациональности («Умом Россию не понять...»). Но тем не менее я считаю, что такой исход возможен, особенно если экономическая составляющая в определении внешнеполитических приоритетов усилится. Каков был бы результат подобного изменения для грузино-абхазской проблемы? Здесь я оставлю этот вопрос открытым, лишь подчеркнув, что грузины и абхазы, видимо, даже не рассматривают такой возможности. Они слишком долго жили в российской военно-политической Вселенной и им даже трудно себе представить, что могут существовать какие-то решения, не навязанные всемогущей «третьей силой». Но, как мне представляется, обеим сторонам следует серьезно рассмотреть такую возможность.

2) *Более активное участие Запада и международных организаций.*

Шеварднадзе всегда видел свою стратегическую задачу в том, чтобы привлечь максимально активное участие Запада к урегулированию абхазского конфликта. Абхазы относятся к этому с большим подозрением, потому что Запад признает территориальную целостность Грузии, а также потому что главные их союзники — антизападные круги в России; но это не означает, что для них характерна исходная антизападная установка. Основная мотивация Грузии в привлечении к урегулированию Запада и международных организаций (в Грузии обычно не делают различия между ними) состояла в том, чтобы уравновесить исключительное влияние России, и в этом отношении грузинские усилия вполне понятны и закономерны. До сих пор достигнутые успехи были скромными. Совет Безопасности ООН отказался предоставить миротворческим войскам СНГ (фактически России) статус сил ООН, но в остальном согласился с исключительно российским участием в миротворческой операции, тогда как функция военных наблюдателей ООН сведена к мониторингу ситуации и информированию штаб-квартиры ООН. В остальном участие Запада носит скорее гуманитарный характер. Ничего отдаленно напоминающего роль НАТО в бывшей Югославии здесь не просматривалось и в обозримом будущем не ожидается¹.

Время от времени грузинское руководство высказывает надежду, что когда Запад уладит дела в бывшей Югославии, он сможет уделить больше внимания и ресурсов решению кавказских проблем. Мне кажется, что, во-первых, это нереалистично, а во-вторых, способность Запада решать такого рода проблемы сильно преувеличивается. Россию трудно обвинить в объективности, и ее влияние может быть вредным, но по крайней мере у нее реальные интересы в регионе и, если будут на то желание и возможности, она способна пойти на решительные действия. Западные страны, а особенно высоко бюрократизированные международные организации, через которые эти страны обычно действуют, не идут на оказание сильного Давления, если ими не движут конкретные интересы или не появляется очевидной угрозы международной безопасности. Имея в виду, что в Абхазии военных действий не происходит и не ожидается, нет и необходимости предпринимать решительные шаги. Добыча и транспортировка каспийской нефти — единственное, что делает регион интересным для остального мира, но Абхазия не находится на пути действующих или проектируемых нефтепроводов².

¹ См. об этом: MacFarlane S. Neil, Minear Larry, and Schenfield Stephen D. *Armed Conflict in Georgia: A Case Study in Humanitarian Action and Peacekeeping* // Thomas J. Watson Jr. Institute for International Studies, Occasional Paper #21, 1996.

² После того как эта статья была написана, начали говорить о возможности найти для Абхазии место на карте нефтепроводных проектов. Предполагается, что этот вопрос обсуждался на

Географическое положение Абхазии делает ее чрезвычайно важной для отношений России с Грузией и Южным Кавказом в целом, но лишь возобновление войны может затронуть и западные интересы.

Вышесказанное отнюдь не означает, что западное участие не может быть ценным. Контакты с Западом помогают грузинам и абхазам понять, что такое современное политическое мышление, и избавиться от иллюзий, отвлекающих от поисков реалистичных решений. Возможно, интерес Запада к региону недостаточно силен, но по крайней мере его стремление к миру более искренне, так что если у сторон появится реальное желание достичь компромисса, западное посредничество даст им больше шансов на это, чем российское. Но последний вариант требует глубокого изменения в позициях непосредственных участников конфликта. Иллюзорные надежды на то, что в один прекрасный день Запад придет и навяжет «справедливое» решение (как бы эту «справедливость» ни определить) может в действительности лишь отложить решение проблемы.

3) *Изменения в Грузии и Абхазии.* Как я пытался показать выше, основной причиной как самого факта войны, так и ее результата была внутренняя смута в Грузии. Какое влияние может оказать стабилизация в собственно Грузии на перспективу урегулирования в Абхазии? Одна из возможных стратегий грузинской политической элиты (которая редко высказывается в форме связной доктрины, но тем не менее весьма распространена) состоит в том, что в результате, с одной стороны, экономического подъема в Грузии (а в 1996—1997 гг. экономический рост здесь был выше, чем где-либо в СНГ), а с другой — ухудшения ситуации в политически и экономически изолированной Абхазии абхазы будут более готовы пойти на компромисс. Они увидят больше положительного смысла в единстве с Грузией, и их не придется насильно втаскивать в какого-либо рода федерацию с Грузией. В то же время воспоминания о зверствах войны тоже с течением времени померкнут, создав более предпочтительную атмосферу для примирения.

Я считаю, что в этом подходе есть рациональные зерна, но есть и опасность переоценки экономического фактора. Стремление абхазов отделиться от Грузии не было продиктовано экономическими факторами, и экономическая рациональность сама по себе не может это желание изменить. Трудно реально представить себе такой уровень беспорядка и бедности в абхазском обществе, который заставил бы их

встрече между Шеварднадзе и Ардзинбой в августе 1997 г. в Тбилиси. Здесь основную роль играют не чисто экономические соображения относительно транспортировки нефти через Абхазию, а то, что для Абхазии следует создать экономические мотивации для кооптации в Грузию. Скорее всего, такой проект имеет еще меньше шансов на реализацию, чем схожая идея «нефтепровода мира» через Карабах.

пойти на серьезные компромиссы. Россия никогда последовательно не осуществляла так называемую экономическую блокаду, и, по-видимому, в любой ситуации в России найдутся силы, которые позволят Абхазии выжить (ее малый размер делает это возможным). Земля самой Абхазии достаточно плодородна для того, чтобы народ не дошел до настоящего голода. Как я уже упоминал, воинские традиции в Абхазии не так сильны, как в Чечне, но это в послевоенных условиях даже скорее позитивно: меньше шансов на то, что стычки между вооруженными формированиями создадут угрозу общественному порядку. По крайней мере до сих пор ничего серьезного не происходило. В этих условиях изоляция с сохранением внешнего давления сама по себе скорее приведет к продолжению консолидации абхазского общества вокруг более радикальных лозунгов, нежели к компромиссу.

Стабилизация и экономический рост в Грузии могут способствовать появлению и иной тенденции. Грузия может использовать передышку для того, чтобы построить сильную армию и постараться взять военный реванш: этот вариант иногда упоминается как «хорватский сценарий». Такая тенденция вполне логична и ее не следует списывать со счетов. Как я уже писал, большинство грузинского населения считает борьбу за территориальную целостность страны законной причиной для применения военной силы. Точка зрения, что в конце концов решение абхазского конфликта произойдет военным путем, достаточно распространена. Нынешняя политическая ситуация делает возможным создание регулярной и дисциплинированной армии. Имея в виду, что Чечня ищет более тесных контактов с Грузией и многие чеченские лидеры квалифицировали участие чеченцев в войне против Грузии как ошибку¹, уровень военной поддержки Абхазии со стороны северокавказцев в случае новой войны может значительно снизиться. В принципе можно предположить, что и Россия получила свой урок в Абхазии и больше не будет помогать сепаратистам. Весной 1997 г. тогдашний министр безопасности Грузии Шота Квирия заявил, что он может завоевать Абхазию силами одного только своего министерства². Возможно, это преувеличение (как проверить?), но отсюда можно сделать вывод, что склонность к военному решению проблемы на грузинской стороне повышается. Усиливается и давление со стороны беженцев. Время от времени распространяются слухи, что вот-вот опять начнутся военные действия³.

¹ Согласно интервью с грузинским парламентарием В. Гиоргобиани, даже Шамиль Басаев, командир чеченских бойцов в Абхазии, назвал свое участие в войне ошибкой и результатом обмана со стороны России («Ахали Таоба», 6 января 1997 г.).

² Georgian Chronicle. March 1997.

³ В апреле 1997 г. эксперт «Радио Свобода» по Кавказу Лиз Фуллер писала: «Как в Грузии, так и в России политические комментаторы предсказывают, что в ближайшем будущем возможно начало военных действий между центральным правительством Грузии и Абхазией, ее отколовшимся

Вариант военного решения проблемы существует, и вероятность того, что Грузия к нему прибегнет, может усилиться. Но, по моему мнению, эта вероятность сейчас не так велика, как может показаться. Военный переворот в Грузии — еще недавнее прошлое, и Шеварднадзе вряд ли сделает задачу построения сильной армии приоритетной. Признаком этого можно считать то, что он держит на посту министра обороны политически слабого и изолированного Вар-дико Надибаидзе: никто не верит, что этот человек может построить сильную армию, но зато он не представляет собой угрозы кому-либо в своей стране (менее всего — абхазам). Страны, готовящиеся к войне, так себя не ведут. Поворот к лучшему в экономике еще должен показать свою устойчивость, и единственное, чего хочет подавляющее большинство политической и экономической элиты, это никак опять не ставить под вопрос будущее Грузии. Поведение России и ее военных в случае возобновления конфликта предсказать тоже трудно. Сегодняшняя политическая элита Грузии, настроенная гораздо более прагматично, пошла бы на возобновление войны только при гарантиях быстрой победы. Общество не примирилось с потерей Абхазии в принципе и, наверное, приняло бы военное решение, но мало кто хочет воевать. Период военного энтузиазма прошел, и он дискредитирован бесславно проигранной войной.

4) *Новый грузино-абхазский диалог?* Начиная с лета 1996 г. прямой диалог между грузинами и абхазами, которого до того просто не существовало, становится более интенсивным. Состоялось несколько встреч на неправительственном уровне, и политики проявляют больше интереса к прямым контактам без российского посредничества. В октябре 1996 г. конфиденциальный визит абхазского министра иностранных дел Озгана в Тбилиси на следующий день стал достоянием прессы, а в январе 1997 г. грузинский министр Менагаришвили совершил ответный визит в Абхазию. Особых успехов достигнуто не было, но сама по себе тенденция значима. У меня нет ей другого объяснения, кроме того, что обе стороны возлагают все меньше надежд на Россию, и потому видят больше смысла в непосредственных контактах друг с другом. Конечно, переговоры имели место и раньше, но это был лишь политически корректный ритуал, участием в котором обе стороны хотели продемонстрировать свое миролюбие, понимая, что на самом деле главное — склонить Россию к «правильной» позиции. Что бы ни послужило здесь поворотным пунктом (у грузин была серия разочарований, абхазы рассчитывали на победу коммунистов в ходе российских выборов), сейчас ни грузины, ни абхазы больше не

уверены, что они могут достичь свои цели лишь через посредничество России. Разумеется, последняя остается важным игроком, но шансы найти общий язык между собой следует по меньшей мере проверить.